

Светлана Старикова

Гранат

Реалистически-фантастический роман

Глава 1

Максу снился сон. Виделось ему, что стоит он на усыпанном тяжелыми валунами утесе. Облака проплывают и тают, скрываясь вдали. Яркое солнце золотит их причудливо меняющиеся очертания. Сильные порывы ветра нисколько не мешают, наоборот, бодрят и освежают. А впереди такой простор, что дух захватывает — там синее бескрайнее море сливается на горизонте с лазурным небом.

И при всем этом великолепии природы Макс чувствует тоску и тяжесть. Он с ужасом смотрит вниз, туда, где волны яростно накатываются на берег и, ворча, словно звери, отступают, оставляя белую пузырящуюся пену.

Макс не хочет смотреть, но непреодолимая сила влечет его туда, к границе бездны, он все больше наклоняется вперед, и тут камень, выскользнув из-под его ноги, с шумом катится вниз. Он, пошатнувшись, тоже стремительно падает

вниз, на несколько мгновений его охватывает ужас, который почему-то сразу сменяется абсолютным спокойствием и ощущением все прибывающего волнения и ожидания чего-то необычного.

Пролетев над волнующимися водами, Макс с удивлением обнаруживает, что по его желанию тело может подняться вверх или скользить над самой кромкой волн.

Охваченный радостным восторгом, он решает взлететь как можно выше. Солнечный свет слепит, поэтому Макс закрывает глаза, затем он вытягивается в струнку и взмывает ввысь.

Оттуда, с высоты ему видны крошечные корабли в море и далекий желто-зеленый берег. Макс устремляется к этому зовущему кусочку суши и через какое-то время уже ступает на мягкий золотистый песок. Он легко перелетает с места на место, раздвигая ветви, забирается в чашу леса, где на деревьях, обвитых лианами, резвятся беспокойные обезьяны. Бабочки и небольшие птицы, примерно одного размера, порхают с места на место, удивляя восхитительно яркими красками крыльев, а цветочный аромат кружит голову. Звуки моря сюда не долетают, зато впереди слышится шум водопада, словно кто-то огромный льет и льет воду из такого же большого, под стать ему кувшина. Идти не хочется и Макс взлетает, поднимается ввысь и приближается к водопаду. Он

подставляет лицо под тугие струи, чувствуя, что в тело как будто вливается легкость и сила.

Но вот словно кто-то командует ему: хватит, пора возвращаться, и опять он с удивлением видит себя над синим простором моря. Макс снижается, приближается к волнам, чувствуя их прохладу, и через мгновение оказывается в воде. Но и тут, уверенный, что все происходящее — сон, нереальность, не пугается, а легко скользя в толще воды, плывет, постепенно опускаясь почти на самое дно, и тот факт, что он находится в воде и надо бы принимать какие-то меры ко спасению, его нисколько не беспокоит. Не надо принимать никаких мер: Макс, ничуть не удивляясь происходящему, растворяется в воде, он сам теперь вода.

Слегка шевелит сине-зеленой массой морская трава, толстым слоем покрывающая неровности дна, краснеют лучи морских звезд, краб, перебирая клешнями по песку, торопится по своим делам, медузы спокойно покачиваются в толще воды. Макс пытается прикоснуться к одной из них и не может, его полупрозрачная, едва видимая рука лишь вскользь касается желеобразного тела медузы, и тут же, вероятно, напуганные хищником, серебристые рыбки стайкой проплавают сквозь уже окончательно ставшее прозрачным тело Макса. То, что живой плоти его уже не видно, также не

вызывает беспокойства, словно иначе и быть не может.

Макс еще долго плывет к какой-то пока неведомой цели и наконец жаркая радость обжигает грудь: он увидел то, к чему влекла его неведомая сила. На возвышенности дна, густо покрытой бархатистой темно-зеленой короткой травой, словно капли алой крови, горят красные камни, уложенные цепочкой.

Макс приближается, протягивает руку к предмету. Это кольцо из гранатов, его камни светятся необыкновенным красным светом. Золотой крест, украшенный бриллиантами, венчает творение искусной руки ювелира.

Макс сжимает кольцо в руке, чувствует вес и гладкость камней, и его тело вновь оживает, словно он возвращается в реальность. И тут же пловец ощущает удушье.

«Скорее, скорее вверх!» — бьется мысль в его голове.

Вот вверху показалось голубое окошко: это сквозь толщу воды стало видно солнце, но сил доплыть до него уже не остается. Руки наливаются свинцовой тяжестью, ноги отказываются двигаться, глаза застилает темная пелена. Макс медленно погружается в темную глубину, все еще сжимая кольцо в руке. Но вдруг он ясно чувствует, что его

подхватывают чьи-то крепкие руки и властно тянут вверх.

На этом сон прервался. Макс судорожно глотнул воздух, приподнялся, открыл глаза и в страхе огляделся. Его пассия на эту ночь, хорошенькая белокурая первокурсница Нелли, забившись в угол широкой кровати и прижимая одеяло к красивому, загорелому лицу, смотрела на Макса округлившимися от ужаса глазами.

— Что? Что случилось? — встревожился Макс.

Но Нелли, ни слова не говоря, вдруг вскочила с постели, путаясь в одежде, натянула платье, подхватила свои туфли и сумочку и, на ходу роняя и поднимая вещи, бросилась к выходу.

Макс догнал ее в дверях, вернул в комнату.

— Да что случилось-то?

— Ты еще спрашиваешь, что случилось? Ты вдруг исчез!

Нелли ни на секунду не забывая, что она все же красавица, изящно вытирала слезы салфеткой.

— Как это исчез?

— Не притворяйся!

— Рассказывай все по порядку! — приказал Макс.

— Ну да, по порядку... — начала было Нелли и вдруг опять разразилась слезами, но, заметив нетерпеливый жест Макса, взяла себя в руки. —

После того, как мы с тобой, ну, после этого... ты заснул и спал, а я на тебя смотрела, потому что очень тебя люблю, а ты ведь так мало мне уделяешь внимания!

— Пропустим это, — нетерпеливо сказал Макс.

— Ну вот, — покорно продолжала Нелли, — я смотрела-смотрела, а ты вдруг исчез.

— Как исчез?

— Да так! Исчез, растворился!

— А потом?

— Я очень испугалась и сидела ни жива — ни мертва, так что и не помню, сколько времени прошло. А потом вдруг услышала: на кухне хлынула вода. Я побежала туда. Все краны были открыты, и вода переливалась через край раковины. Я поскорее закрыла краны и стала убирать воду. А когда вернулась, ты лежал на прежнем месте, но стонал и метался, а потом захрипел так, что я подумала: ты умираешь...

— Умирать нам рановато, — бодрясь, запел Макс любимую песню военных лет, он ее часто слышал от фронтовика, жившего, можно сказать, по соседству, только Макс обитал в роскошном особняке, а дед — в развалюхе расположенного рядом рабочего поселка. Фронтовик этот прошел всю войну и вернулся домой, чего не удалось многим из тех, кто вместе с ним шагнул в огненное

пекло. Было ему уже под девяносто, но он, как и в те молодые послевоенные годы, будто извиняясь за то, что выжил, всегда старался помочь осиротевшим семьям. Старик, понимая ценность каждой минуты на этой земле, с утра уже был чем-нибудь занят: попыхивая папирской, стучал молотком, работал рубанком, при этом всегда что-то напевал себе под нос. Ребятишки за ним бегали гурьбой, он и для них находил ласковое слово и какое-нибудь занятие. Макса дед никак не выделял, лишь иногда, доверяя ему работу попроще, одобрительно хмыкал в усы, мол, хорошо, будет из парнишки толк. А Макс как замороженный наблюдал за всеми действиями старика, удивляясь тому, как ловко тот превращал простую деревяшку в ножку стула или деталь для полочки, или еще во что-нибудь нужное в хозяйстве. Окончив работу, дед обычно садился, закуривал и начинал рассказывать истории из своей жизни. Рассказы эти были интересные, без излишней назидательности, но поучительные. Лишь одной темы дед не касался — войны. У этого старика и перенял незаметно для себя Макс умение во всякой ситуации находить положительные стороны и никогда не теряться и не отступать. А фронтовые песни, полные оптимизма и веры в победу, часто сами собой на ум приходили.

Однако, как ни бодрился Макс, голос его был

вовсе не жизнерадостным, а вялым, хриплым и надорванным, словно и вправду он минуту назад захлебывался водой, был на волосок от смерти и едва спасся.

— Ну, я пойду? — после неловкого молчания несмело сказала Нелли, она уже не хотела знать тайну исчезновения возлюбленного, единственным ее желанием было поскорее выбраться из этой квартиры.

— А как же утренний кофе? — пытался пошутить Макс.

— Какой уж тут кофе!

Глава 2

Надо сказать, что все студентки факультета, где учился Макс Бероев, с замиранием сердца произносили его имя. Высокий, темноволосый, он не обладал идеально красивой внешностью, был даже излишне худощав, не мог похвастать рельефными бицепсами, наоборот, его узкие плечи не увеличивали даже строгие костюмы, до которых он был не большой охотник. Но зато можно сказать с уверенностью, что стройная фигура Макса, а в особенности его необычного темно-фиалкового цвета глаза, смотревшие с теплотой и лаской, притягивали к нему девушек как магнитом. Этот его взгляд не был нарочитым, наигранным,

казалось, парень и не подозревал о таком магнетическом действии его глаз. Да, они и впрямь были необыкновенными, но лишь потому, что отражали искреннюю бесшабашную веселость молодости, ощущение свободы и любви к этой жизни, ну и к девушкам тоже.

Макс всегда был в хорошем настроении, открыт и радостен. И беззаботен. Каждый месяц регулярно на его карточке появлялась приличная сумма, по студенческим меркам, очень и очень внушительная, даже сверх меры, то есть гораздо большая, чем требуется для жизни человека его возраста, жизни даже самой развеселой. Его шкаф в студенческом общежитии давно не вмещал все прибывающие костюмы и куртки, свитеры и джинсы, футболки и рубашки, а потому каждый желающий из числа его знакомых брал любую вещь и не торопился ее возвращать. Макс также снимал уютную квартиру в центре, ключи от которой то и дело занимал друзьям. Он мог бы и купить жилье в любом престижном районе города, однако предпочитал большую часть времени проводить в общежитии, в этом шуме и гаме, где постоянно хлопали двери комнат, впуская и выпуская гостей, зачастую живших тут же, по соседству. Из комнат вырывались звуки музыки и смех, а из кухни на этаже волнами накатывали запахи подгоревшей картошки и убежавшего супа, потому что там

постоянно щебетали-сплетничали девочки, забыв о поставленной на огонь посуде, и это тоже не раздражало Максима.

— Я плачу! — вставая из-за столика в кафе, небрежно бросал Макс под одобрительное гудение его дружной компании.

Но нужно рассказать о его друзьях. Хотя особенно рассказывать и нечего. Обыкновенные прилипалы, которыми неизменно окружены сильные мира сего (а Максим в своей среде тоже, наверное, относился к когорте сильных), всегда поддакивают, всегда готовы пуститься на любые проделки, придуманные Максом, смеются, когда он смеется, подшучивают над выбранной предводителем мишенью для шуток. Макс знал цену такой «преданности» и искренне уважал и считал своим другом только сокурсника Олега, внука того самого фронтовика из поселка. Теперь друзья учились вместе, а крепко подружились они еще в детстве, после одного случая.

Однажды поселковые ребята подбили Макса совершить набег на сад одной зловредной бабки, чтобы облегчить его деревья от слив. Сливы эти пользовались известностью. Даже когда у других бывал неурожай, в ее саду висели подернутые сизой дымкой замечательно крупные плоды.

Ночью идти страшно, да и не видно ничего, потому решили сделать вылазку на рассвете, когда

уже светает и в тоже время весь поселок еще спит.

Затяя оказалась неудачной. Только ребята загрузили сливами широкие штанины надетых для этого случая треников с резинками у щиколоток — так удобнее собирать плоды, пакета не надо (эта идея принадлежала одному малому из их команды), как в доме вспыхнул свет, послышался шум и на фоне освещенного дверного проема появилась бабка.

Боясь упустить выгоду на рынке, где она сбывала фрукты, старуха, вероятно, решила лучше не спать ночами, нежели расстаться со своими драгоценными сливами.

— А! Грабители! Грабят, убивают! — заверещала бабка. — Люди добрые, что же это делается?! Сколько сил положено, а эти душегубы все переломали, испортили!

Бабка с завидной для ее лет прытью носилась между деревьями, но разбежавшихся в разные стороны ребят поймать не удавалось.

Надо добавить, что был в компании один зловредный пацан — Мишка, по прозвищу Огрызок, очень уж он любил огрызаться, а еще любил доказывать свою правоту. Обычно доказывал он ее долго и нудно, а когда не хватало аргументов, на физиономиях оппонентов появлялись факты — синяки.

Макс, благодаря занятиям, кроме школьных,

еще и с домашним учителем, знал несравненно больше Огрызка, в чем тот мог неоднократно убедиться. Наставить синяков у Мишки тоже не получалось, Макс был довольно-таки высок ростом и, несмотря на худобу, вынослив и крепок. Строптивому Огрызку никак не удавалось доказать свое превосходство над Максом.

Вряд ли Мишка рассчитывал воспользоваться случаем для мести, но в тот момент, когда бабка, издавая звуки, мало похожие на игру свирели, металась в предрассветной мгле по саду, стараясь ухватить костлявыми пальцами хоть кого-то из сорванцов за рубашку, он, чувствуя, что нагруженные сливами штаны замедляют шаг и не дадут ему убежать от возмездия старухи, почти рефлекторно подставил ножку бежавшему чуть впереди Максусу.

Макс кубарем покатился с небольшой возвышенности, раздавленные сливы тут же противно прильнули к его голым ногам и в завершение неприятностей на него, как коршун на цыпленка, накинута, размахивая, словно крыльями, углами шали, старуха.

Огрызка и других ребят уже и след простыл. Только один Олег бросился на помощь Максусу. Но у тщедушной бабули достало сил крепко держать за шиворот обоих воришек и в таком виде представить их прибежавшим на шум сыновьям.

Через день после происшествия, утренняя часом Макс и Олег с самым беззаботным видом сидели рядышком на скамейке у домишки деда. Оба жевали бутерброды, принесенные Максом.

— Крепко тебе досталось от отца? — после недолго молчания сочувственно сказал Макс.

— Нрав у батяни крутой, — сдержанно отозвался Олег. — Если бы мать не отняла, совсем бы плохо пришлось.

— Что же ты не убежал?

— Если бы убежал, мамке бы досталось, — помолчав, сказал Олег. — Дед меня жалеет, но и он сказал, что ему не нужен внук вор. А тебя отец побил?

— Нет, только целый вечер рассказывал, как стыдно воровать. Лучше бы побил, да и дело с концом. А то еще нянюшка Аринушка давай причитать да охать. Тоска в общем.

Олег встряхнул головой, бодро вскочил на ноги.

— Айда на рыбалку! Я такое место знаю! Там караси — вот такие!

Мальчик широко развел руки.

— Ну да, рассказывай! Таких больших карасей не бывает! — засмеялся Макс.

— А вот и бывают! Сам увидишь.

Макс тоже встрепенулся.

— Я мигом, только удочки возьму!

— На твою ловиться не будет. Я тебе свою дам.

Вскоре ребята дружно топали по тропинке к реке.

— Счастливая удочка! — кивнул Олег на палку с крючками в руках Макса. — Знаешь, сколько я на нее карасей натаскал, тыщу!

— Шутишь?

— Шучу, конечно! Столько в нашей речушке не наловишь, хоть всю жизнь на берегу просиди.

Прошли еще немного.

— Так значит, за тебя мама вступилась? — спросил Макс.

Он все еще чувствовал свою вину за оплошность, из-за которой бабка схватила их.

— Ну да, она меня очень любит, мамка моя. Говорит отцу: «Хочешь руки почесать, бей меня, а мальчонку не трожь!»

— Отец у вас злой?

Олег опустил глаза.

— Да нет, не всегда. Когда выпьет, сам не свой делается. Мы раньше с мамкой, как увидим, что отец пьяный домой идет, через огород к соседям убегаем. Мамка говорит, что в дом к соседям идти стыдно, так мы до утра в их бане тихонько сидим. Летом еще ничего, а зимой холодно.

Макс понимающе молчал.

— Мамку жалко, — продолжал Олег. — Я за нее вступился раз, так отец так меня огрел, что я к печке отлетел и о кирпич ударился. Мамка меня на постель перенесла. Вот видишь шишка на лбу, так и будет, не пройдет уже никогда. Хорошо, что волосы закрывают.

Олег вздохнул. Некоторое время ребята шли молча.

— Мамка говорит: «Вот подрастешь немного, уедем куда глаза глядят. А потом и деда заберем. Пускай отец один сычует», — продолжил Олег, затем резко и решительно остановился. — Отец пока сильнее меня. Я на занятия по борьбе хожу, дрова колю, воду таскаю. Скоро я никому мамку в обиду не дам!

— Конечно! Я бы за свою маму тоже знаешь как бился бы — руками, ногами и ногтями! Хотя, по правде говоря, мой отец никогда не дерется.

— Повезло тебе.

Опять помолчали.

— А ты свою маму помнишь? — спросил Олег сочувственно. — Какая она была?

— Очень красивая.

Максу вспомнилось летнее утро. Тогда ему было лет пять, не больше. Он только что проснулся в своей кроватке от легко поцелуя-прикосновения. Сквозь ресницы он видел, что солнечный свет

сквозил легкую занавеску, слышал доносившийся из приоткрытого окна легкий шум, чувствовал сладко-дурманящий запах сирени. Мама склонилась над ним, что-то ласково и нежно приговаривая. Ее прядь волос мягко коснулась его щеки. Максу стало щекотно, он тихо засмеялся и, не открывая глаз, обнял мать, прижался к ее плечу.

И еще вспомнился праздничный день и накрытый к завтраку стол. Отец и мать стояли у большого зеркала. Отец сзади обнимал мать за плечи, наблюдая, как она раскрывает коробочку с духами. Мать, достав флакон, подняла руку кверху, нажала на пульверизатор духов, подняла лицо, вдыхая запах ароматного облака. Потом она, смеясь, брызнула духами на отца.

— А меня, а меня! — прыгал вокруг родителей Максимка.

— И тебя, золотой ты наш!

Мать брызгала из пульверизатора в его сторону и все трое счастливо смеялись.

— Помню запах ее любимых духов, ни с какими другими не спутаю, — с легкой грустью сказал Макс. — Запах сладкий и горьковатый одновременно. Отец ей всегда привозил эти духи из Англии.

— Почему из Англии, а не из Франции или еще откуда-нибудь?

— Потому что Англия — его родина. И

потом: там у него бизнес.

Нет худа без добра. После происшествия со сливами мальчики крепко сдружились, они почти не расставались, не раз попадали в переделки, и Макс еще и еще раз убеждался в честности и благородстве Олега. Впрочем, надо отдать должное и Максу: никогда он не смеялся над действительно слабыми людьми. И еще: он никогда не позволял себе неуважительного отношения к девушке или женщине именно потому, что сам рано остался без матери.

Но надо признаться, что Макс все же был не идеален. При всем своем уважении к женщине вообще, Макс не был сторонником строгих моральных правил, бывало, на другое утро после бурно проведенной ночи он уже не думал о своей партнерше, которой расточал ласки и нежные слова. Его страстные поцелуи еще горели на губах возлюбленной, а он уже не помнил ее имени.

Глава 3

Впрочем, была в компании Макса одна девушка — Маша, Мария. Нет, даже не в его компании, там она появлялась редко и то благодаря уговорам Олега. Маша просто училась с этими ребятами на одном курсе, была одной из многих студенток. К ней Макс относился

снисходительно-покровительственно, словно к младшей сестренке.

Так и должно было быть, потому что тот, кто знал Марию, заглянул в ее голубые, ясные глаза, видел ее мягкую улыбку, сразу понял бы Максима. Нельзя обмануть такую чистоту и открытость миру, нельзя погасить эту счастливую радость. И только Олег понимал, почему ее улыбка временами меркла: девушка давно и безнадежно была влюблена в Макса. Маша, не в силах дольше хранить свою тайну, доверила ее Олегу — парню мягкому, верному и честному, и готовому для Марии в огонь и в воду, потому что — вот ведь какое дело! — он сам любил ее давно и безнадежно.

А Макс, не подозревая, что стал причиной горьких слез Маши и душевных терзаний лучшего друга, не позволявшему себе пошло ревновать. Макс оставался по-прежнему безмятежен, весел, бодр и жизнерадостен и всегда был готов на шутки и проделки. Он давно разгадал тайну Олега, ведь на то они и друзья, чтобы понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда.

Как помочь Олегу, Макс давно понял и принял решение. И не преминул воспользоваться первым же подвернувшемся случаем — шумной студенческой вечеринкой.

— Я не понял, у кого день рождения, —

сказал Олег, когда друзья вошли в квартиру, где веселье было в самом разгаре.

— Если мне не изменяет интуиция, вон у той, в красном платье, — ответил Макс. — Привет, Инна, с днем рождения!

— Спасибо, только я Инга! — бойко ответила девушка.

— Я и говорю: Инга, — отвечал Макс. — Поздравляю!

— Спасибо! Только день рождения не у меня, а у Снежанны! — смеясь, ответила поцелуем Инга и увлекла его в круг танцующих.

В течение вечера Макс, окруженному девушками, никак не удавалось поговорить с Марией. Наконец улучив момент, он подошел к ней с тем, чтобы раскрыть ей глаза, рассказать о чувствах друга.

Но Мария резко прервала его и, опасаясь, что кто-нибудь войдет в комнату, где они уединились, сама решила высказать все, что было на сердце, а там будь что будет.

— Я люблю не Олега, а тебя, Максим, — просто и внешне спокойно сказала она.

— Послушай, Мариша... — начал было Макс.

— Меня зовут Мария, — ответила девушка.

— Извини. Мария, — поправился Максим.

— Постой, — прервала она. — Не говори ничего, я все заранее знаю. Ты меня не любишь и

посоветуешь поскорее полюбить кого-нибудь другого.

Макс только растерянно улыбнулся.

— Но для меня это не выход, — торопилась девушка. — Извини, сбивчиво говорю, но я должна сказать для того, чтобы ты знал. Я люблю тебя, давно люблю, с первого дня, как увидела. Я знаю, что лучше никого в своей жизни не встречу.

«Ну уж лучше...», — с сомнением подумал Макс, вспоминая, какие за ним водились грешки, а уж желания...

Макс замотал головой, отгоняя непрошенные мысли, однако те не спешили уходить.

«Взять хотя бы Марго, — вздохнул про себя Макс. — Вот уж образчик «целомудренной и светлой» любви. А ведь на месте Марго могла бы быть Мария. Нет, не могла... У нее такие ясные, чистые глаза, сквозь них видно всю душу до донышка».

Макс представил, как гаснут эти сияющие глаза, как чувственное, алчное выражение появляется на лице девушки, как пальцы пробегают по подаренным им золотым украшениям и она с улыбкой лживой благодарности смотрит на него. Он, закрыв глаз, тряхнул головой, словно избавляясь от наваждения.

— Нет, это невозможно!

— Да, невозможно, — приняла на свой счет

его слова Мария. — Боже мой, как стыдно! Но я скажу. Если бы совсем не было надежды, что ты меня когда-нибудь полюбишь, я бы не подошла. Оставь мне эту крохотную надежду, очень прошу!

Голос ее дрогнул и прервался. Мария замолчала, молчал и Макс.

Все в его жизни до этого дня было просто и ясно. Были молодые красивые девушки, которые довольно легко вступали в отношения с «богатеньким Максиком», красивым, остроумным и веселым. Может быть, и были у некоторых надежды заполучить Макса в мужья, но опытный ловелас полушутя-полусерьезно, аккуратно и не теряя такта, развенчивал эти надежды. Но тут совсем иное. Наивные, полные света глаза, чистое, почти детское личико с милыми ямочками, которые появляются, когда эта девочка улыбается.

«Как же некстати этот разговор! — почти сердился Макс, не осознавая всей своей эгоистичной черствости. — И что ей сказать? Что, может быть, когда-нибудь полюблю? Но ведь это смешно!»

В конце концов он просто глупо улыбнулся и пробормотал обычную фразу «Я тебе перезвоню», хотя не знал и не думал узнавать ее телефон.

Мария, вздохнув, только кивнула, и когда молча смотревший себе под ноги Макс поднял, наконец, глаза, девушки рядом уже не было.

«Странная какая, — думал Макс. — Как из прошлого века. И платьице странное, с пелериной, кажется, так такая отделка называется. И почему-то так жалко выглядывает из воротничка ее худенькая шея...».

В то же время, несмотря на все старания найти в девушке недостаток, он не мог избавиться от общего впечатление ее почти детской свежести и одновременно девичьей привлекательности.

Решительно тряхнув головой, Макс отправился на розыски Олега.

— Нам пора! — шепнул он другу.

— Уже уходите? — остановила друзей именинница.

— Спасибо за классную вечеринку! — поцеловал ее в щеку Макс. — Но надо спешить, завтра экзамены, выспаться бы не мешало.

— Ну да, выспаться! А то будто бы я вас не знаю! Вы куда сейчас, в клуб?

— Да говорю же: баиньки!

— Сочиняй больше! Будто бы я вас не знаю!

— Эх, чуть было вечер не пропал! — говорил Макс Олегу, сидя за одним из столиков в престижном ночном клубе в окружении друзей и «телочек». На столе стояли бокалы, закуски, в центре возвышался кальян.

За столом недалеко от танцпола рядом с очень

красивой девушкой сидел сосед по общежитию, в костюме, который он накануне занял у Макса для свидания. Сосед, верно, не так часто посещал такого рода заведения и теперь неуверенно оглядывался вокруг. Увидев Макса, парень радостно бросился к нему, потянул знакомиться с девушкой.

— Элона, — представилась красивая блондинка.

Она, мгновенно оценив возможности Макса, очаровательно и многообещающе улыбнулась и сощурила глаза. Но в этот раз Макс явно чувствовал себя не в своей тарелке. Окружающий шум и гвалт, громкая музыка, мелькающие в неверных цветных бликах силуэты танцующих на танцполе и сладострастно извивающихся у шестов стриптизерш, жующие лица, руки, то и дело поднимающие бокалы, — все, что раньше несло заряд энергии, теперь сливалось в хаотичные, меняющиеся, как в калейдоскопе, картины. Макс попытался вслушаться в разговор людей, сидящих за его столом, и не услышал ничего, кроме заурядных и пошлых слов. Шампанское и коньяк не веселили, как раньше, а неприятная, сюсюкающая манера общения Элоны, которая вдруг отказалась за столиком компании Макса, и вовсе раздражала.

Девушка, то и дело оглядывалась вокруг, поправляла прическу — в ее великолепные светлые

волосы были вплетены нити жемчуга. Также она постоянно проверяла рукой, на месте ли небольшой золотой гребень.

— Настоящий жемчуг, — интимно сообщала она Макс, кокетливо дотрагиваясь кончиками пальцев до жемчужин. — Моя прабабушка получила в подарок от графа...

То ли она забыла фамилию графа, то ли запуталась в именах родовитых семей, но девушка вдруг замолчала и решила выправить положение долгим взглядом, проникающим в самое сердце молодого человека. Но Макс было решительно все равно, кто подарил прабабке Элоны жемчуг, а также что обещал этот «проникающий» взгляд.

— А теперь сюрприз! — друзья со смехом потянули Макса в отдаленную комнату, двери которой были скрыты за тяжелым занавесом.

В комнате на столе лежала почти полностью обнаженная девушка, лицо ее было густо набелено, как у гейши, а все тело затейливо украшено морепродуктами — крабами, лобстерами, креветками и мидиями, разложенными на зеленых листьях. Грудь и место ниже пупка были едва прикрыты красивыми раковинами. Компания Макса со смехом окружила девушку и стала угощаться, беря китайскими палочками морепродукты с листьев и окуная их в стоящие тут же чашечки с соусами.

«Наверное, ей очень холодно», — подумал Макс, глядя на покрывшиеся мурашками обнаженное тело девушки.

— Попробуй, милый, краба с авокадо! Очень вкусно! — строго поглядывая в сторону претенденток на внимание Макса и делая вид, что у нее с ним давно все решено, говорила Элона.

Макс нехотя, но послушно раскрыл рот, куда Элона запихнула кусок краба, облитого острым соусом. Макс не любил крабовое мясо, потому поспешил запить его вином.

Неожиданно Макс поймал себя на мысли, что ему вдруг стало ужасно скучно. Элона все не отставала, но ему все-таки удалось вырваться, якобы, покурить, хотя он на дух не переносил запаха табака.

Через несколько минут Макс уже был на улице и, взяв такси, ехал к общежитию университета.

«Ну и зачем я это делаю, и что, в конце концов, ей скажу?» — твердил он про себя, приближаясь к двери комнаты, где жила Мария.

Мария спокойно выслушала его сбивчивую речь и сказала просто:

— Да, я тоже люблю ночной Питер.

Они шли по залитой огнями набережной. Лицо Марии было бледно и в неверном свете фонарей казалось еще моложе. Макс искоса

поглядывал на ее складную фигурку, тонкий профиль. Мария время от времени тоже смотрела на него и тут же застенчиво отводила взгляд. А сердце Макса сжимала какая-то до сих пор неведомая им радость.

— Мне всегда кажется, что вот-вот я увижу Настеньку и Мечтателя из «Белых ночей» Достоевского, — говорила Мария. — Еще немного, вот за тем поворотом, вон у того моста. Глупо, правда?

— Да нет, нисколько. Чудеса на свете есть и случаются с нами.

Макс вспомнил свои сны, в которых с ним происходили самые невероятные вещи и которые он поначалу считал кошмарами, но потом изменил свое мнение, стали эти видения ему интересны и даже дороги.

— Без чудес скучно жить, все равно, что без стихов или музыки. А какое твое любимое место в городе?

— Я очень люблю петербургского ангела в Измайловском парке, — проговорила Мария. — Он такой трогательно беззащитный... Сидит себе на краю скамейки под зонтиком и с книжкой в руках, а если мог бы, многое рассказал...

— Ах вот вы где! От нас не спрячешься! — услышали Макс и Мария.

Шумная компания друзей, тех, что были в

ночном клубе, с веселым смехом и выкриками высыпала из притормозившего рядом автомобиля.

— Нет, ребята, поезжайте! Мы еще погуляем, — остановил всех Макс.

— Ну да, провинциалкам все внове! — зло рассмеялась Элона.

Машина, сорвавшись с места, уехала.

— Ну, мне тоже пора, — сказала Мария.

— На глупые слова глупого человека не нужно обижаться!

— Да нет, я не обиделась, только она права, у каждого своя жизнь. А нам лучше больше не встречаться. Мы все уже выяснили там, на вечере. Я понимаю: я призналась, тебе стало меня жалко, вот и пригласил меня прогуляться.

— Да нет же, нет! Вовсе не поэтому!

Но сколько ни уговаривал Макс продолжить прогулку, Мария только отрицательно качала головой. Пришлось парню, взяв такси, доставить Марию к общежитию.

— Дальше меня не провожай, — строго сказала девушка, выходя из машины.

— Увидимся в университете? — с надеждой спросил Макс.

Мария промолчала. Макс хотел ее догнать, сказать еще что-нибудь, но тут зазвонил его телефон.

— Максим, это Элона! — услышал Макс в

трубке. — Извини, не хочу быть навязчивой, но, по-моему, мы хотели провести эту ночь вместе.

— Разве?

Макс повернулся к Марии, но та уже торопливо шла к общежитию и вскоре дверь здания за нею захлопнулась.

Глава 4

— Ты мой милый зая, медвежонок мой толстенький, — ласкалась к Макс Элона уже в постели в его квартире.

— Меня Макс зовут, — мрачно отвечал он.

— Я знаю, дурачок!

«Я не дурачок!» — зло подумал Макс по себя.

Он не был с нею груб, но наутро девушка сделала вывод, что зря расхваливали парня ее подруги.

— Мужлан какой-то! — дула губки Элона, натягивая на безукоризненно красивую точеную ножку черный кружевной чулок.

Макса же эта продажная красота теперь раздражала до крайности.

«Была бы она со мной, если бы я, скажем, не мог заплатить за ресторан? И как же быстро она отшила того парня, что был с нею!», — думал он, и в нем закипало и поднималось одно желание: чтобы его все, наконец, оставили в покое.

Наконец Элона, получив деньги на такси, причем сумма была такой, что хватило бы съездить до ее дома и обратно несколько раз и еще бы осталось, ушла, позволив в знак недовольства свиданием хлопнуть дверью, хотя и не громко.

Звук движущегося лифта смолк, Макс глубоко вздохнул и бросился на постель. Тут же вскочил, скомкал простыни, вытряхнул подушки из наволочек и отнес все белье в комнату, где стояли стиральная и гладильная машины.

Вернулся, плеснул в тонкий бокал с сужающимися стенками коньяк и залпом выпил.

— Что же случилось, что со мной? — спрашивал он себя. — Вроде все, как всегда, и все не так, как всегда.

Но Макс знал ответ. Эта девочка, Маша, так не похожая на окружающих его самок, жадных, стремящихся получить от жизни как можно больше удовольствий и материальных благ, то есть того, что сами они называют роскошной жизнью.

Умом он понимал, что такая любовь, искренняя и не требующая ничего взамен, большая редкость, но еще не знал, что на нее не ответить невозможно по определению, что уже попал под очарование этой бескорыстной любви.

— Маша, Ма — ри — я... — нараспев повторял Макс.

Сознаться себе, что можно вот так просто

полюбить хорошую чистую девушку, Макс не мог. А как же мечта, идеальная женщина? Ведь встреча с нею еще впереди.

Мысли о Маше постепенно сменились теми, что в последнее время занимали его больше всего — о постоянно преследовавших каких-то видениях, где смешивались сон и явь. Он даже специальную литературу прочел и пришел к выводу, что есть множество вариантов будущего, настоящего и прошлого, и все это существует одновременно. Во сне как раз и прокручиваются эти варианты. Не факт, что они обязательно сбудутся, однако можно увидеть некоторые из них.

Только почему его сны не похожи на обычные, почему такие яркие, словно наяву? Макс видел все до мельчайших подробностей, мыслил вполне ясно и осознанно. Утром он был готов поклясться, что все видевшееся ему ночью происходило на самом деле, и только холодный рассудок мог убедить его в обратном.

Ему часто грезились надвигающиеся серо-прозрачные облака, серебристо-голубой туман, из которого появлялись очертания старинного замка. Были видны мелькавшие сквозь полуопущенные шторы изящный девичий стан и второй силуэт — стройного мужчины. И третья фигура, кажется, немолодой женщины в строгом старинном платье, с высокой прической на голове.

Твердой и властной походкой она проходила сквозь анфиладу комнат и ее тень по очереди появлялась то в одном, то в другом окне. Дама, казалось, раздавала распоряжения, причем иногда изволила гневаться, да так, что высокий гребень, венчавший ее сложную прическу, трясся на голове.

Он видел во сне рукописные тексты. Одни на бумаге с гербом и печатями, другие в виде писем. Что-то было в них важное, Макс это чувствовал, но прочесть было невозможно. Тексты были написаны на английском, и хотя молодой человек хорошо владел этим родным языком его отца, но разобрать ничего не мог, то буквы расплывались, то текст был неполным: тонкая бумага обгорела по краям и в середине был вырван большой кусок. Макс словно что-то подсказывало, что если он найдет недостающие части бумаги или восстановит в памяти какие-то события, то все встанет на свои места. А еще он запомнил имя, которое было выведено на листах и повторялось несколько раз. «Лиз» — было написано английскими буквами на бумагах.

Молодой человек, находясь под впечатлением этих снов-загадок, все же старался не показывать окружающим свое состояние и не рассказывать никому о них, боясь, что его не поймут или поймут неправильно. Только Олег смутно догадывался, что у Макс что-то есть на сердце. Друг видел, но не

понимал причины находившей на Макса странной задумчивости и почему тот вдруг, в самый разгар бурного веселья бросал все и уходил один до утра блуждать по улицам города, задремавшего перед рассветом. А утром нужно было идти на занятия, жить обыкновенной жизнью студента, ловеласа и рубахи-парня — простого, веселого и всегда везде своего.

В один из таких обычных дней Макс уже пересекал площадь перед университетом, когда заметил двух девушек, стоящих в эффектных позах на ступенях, ведущих к зданию. Одна из них прямо-таки бросилась к нему навстречу.

— Макс! Как хорошо, что я тебя встретила, любимый! Куда мы сегодня идем?

Макс постарался скрыть, что не помнит ее имени.

— Э-э-э, дорогая, к сожалению, я сегодня очень занят. — Он притворно вздохнул. — Экзамены. Всю ночь сопромат долбить придется!

Девушка заискивающе заглянула молодому человеку в глаза, прижала ладонь к его груди, томно проговорила:

— Жаль, а я надеялась на продолжение той нашей прекрасной ночи... Ты был так страстен...

— Ну что же, ночь действительно была прекрасной, но ведь и перемена действующих лиц

не помешает. Я хотел сказать: лекции, профессора, студенты... Учеба, в общем.

— Ну да, и студентки...

— Ну что ты! Какие студентки?! Разве кто-то может сравниться с тобою? Но я спешу, дорогая, извини, до встречи!

— До встречи!

Девушка с грустью смотрела ему в след.

— Ах, мужчины, нет среди вас идеальных, — вздохнула она.

Неожиданно Макс вернулся к девушке, проговорил:

— Если хочешь, поедem в воскресенье за город.

Глаза девушки счастливо заблестели.

— И подругу с собой бери, — проговорил Макс, добавляя про себя: — Надо встряхнуться, а то всякая ерунда в голову лезет.

Вечером выходного дня Макс и Олег в компании двух девушек и еще одного молодого человека мчались на Мазурати по дороге в Питер, возвращаясь с пикника. Пикник в зеленой лесополосе рядом с небольшим, но довольно глубоком озером удался на славу. Дурачились и веселились, жарили шашлыки и ловили рыбу. Все это напоминало Максy и Олегу их детство в родном поселке.

Все, кроме Макса, который был за рулем, в тот вечер были подшофе. Смех и шутки в веселой компании не смолкали. Но странное, неожиданное происшествие вдруг надолго выбило всех из колеи.

Сначала что-то мелькнуло перед лобовым стеклом автомобиля и исчезло. Затем Макс ясно увидел, что это была большая черная птица, потому что она вернулась, пролетела вровень с лобовым стеклом, задела его крылом и скрылась в чаще леса. Макс невольно проводил ее взглядом, но скорости не сбросил. Но тут птица опять вернулась, полетела перед автомобилем, сделала разворот и с размаху стукнулась в лобовое стекло.

Макс не выдержал, ударил по тормозам, пассажиры резко подались вперед и испуганно замолкли.

— Ты чего? — недоуменно спросил Олег.

— А ты не видел? — ответил Макс.

— Не видел что?

— Птицу.

— Какую птицу?

— Ну, может, не птицу. Что-то большое, черное.

— Нет, не было ничего.

— Что-то ударилось о стекло! — горячился Макс.

На сиденьях сзади засмеялись.

— Померещилось тебе, Максик! — сказала

одна из девушек.

— Надо посмотреть, — с сомнением сказал Макс. — Если это птица, то она могла упасть рядом.

Все вышли из машины, обошли ее кругом, оглядели и дорогу.

— Что с тобой, Макс, вроде бы не пил?! — насмешливо проговорил один из друзей

. — Да говорю же вам: была черная птица!

— Значит, перегрелся на осеннем солнышке, и вообще, свежий воздух — это вам не шуточки!

Смех застыл на губах говорившего. Мимо на огромной скорости пронесся Мерседес, за ним с включенными сиренами мчался автомобиль полиции Макс едва успел отдернуть за руку одну из девушек, стоявшую посреди дороги. Все как зачарованные смотрели вслед машинам.

Что было дальше, ребята и девушки и по прошествии немалого времени не могли вспоминать без содрогания. На перекрестке водитель Мерседеса врезался во встречную машину, затем в аварию попали другие автомобили. Шум, скрежет железа, огонь, черный дым, крики раненых...

— О, Господи! Ужас какой! — простонала одна из девушек.

— Да, веселуха! Если бы ты, Макс, не остановился, мы бы оказались в этой железной

каше!

Другая девушка, та, которую спас Макс, вовремя оттащив ее за руку с пути мчащегося автомобиля, плакала навзрыд.

— Боже мой! Меня чуть не сбил этот сумасшедший!

Макс молчал, он, весь подавшись вперед, казалось, забыв обо всем на свете, смотрел на пылающий костер из машин. Макс ясно видел впереди освещенного огнем мужчину в темном плаще.

— Ты видишь человека в черном? — спросил он Олега.

— Там много народу. Это полицейские, наверное, они в черном, — ответил друг.

— Полицейские дальше стоят, — настаивал Макс. — А тот, что ближе к нам, видишь его?

— Да нет же, никого я не вижу.

Макс оглянулся.

— Вы тоже никого не видите?

— Нет, никакого человека в плаще нет, — в один голос ответили девушка и парень.

Макс опять посмотрел вперед, но на этот раз и он никого не увидел.

— Смерть идет за нами по пятам. Это было ее первое предупреждение! — загробным голосом проговорил Макс, пытаясь шуткой снять общее напряжение.

Одна из девушек неожиданно испуганно всхлипнула.

— Не надо, Макс! И так страшно, — сквозь слезы проговорила она.

— Не время для шуток, — мрачно добавил Олег.

— Да, спасла нас черная птица, — как бы про себя сказал Макс. — Помирать нам рановато!

Глава 5

На другой день Макс спешил в университет: он здорово опаздывал на занятия. Но издали заметив Олега и Машу, решил их подождать. Молодой человек на ходу что-то увлеченно говорил девушке, как будто убеждая ее в чем-то, но она в ответ лишь смущенно отрицательно качала головой. Невооруженным взглядом было заметно, что Олег влюблен в Машу по уши, но из всех сил старается это скрыть.

Поравнявшись с Максимом, Маша, едва поздоровавшись и почему-то смутившись, тут же ушла.

— Ну что, опять не объяснился? — спросил друга Макс, едва они остались вдвоем.

— Ты о чем?

— Брось, Олежек, я же все вижу.

— Перестань, Макс!

— Что перестань? Когда-то же надо признаться ей. А то, смотри, уведет кто-нибудь девушку.

— Ну, это вряд ли, разве что за тобой пойдет.

— Нет, моя идеальная девушка еще только в проекции, — засмеялся Максим. — Не реализовалась в настоящем.

— Часто настоящее-то мы и не видим, а когда разглядим — уже поздно, — серьезно ответил Олег.

Но Макс снова рассмеялся.

— О, как заговорил! Сразу видно: влюбленный. А я тебе говорю: не упускай свою судьбу!

— Была бы моя судьба — не упустил бы.

— Да ладно тебе. Что еще за меланхолия? Встряхнись, друг! Идем в универ, а с вечера у нас ночные приключения!

— Опять? Опять провести ночь в полиции? — с притворным ужасом вскричал Олег.

— Не бойсь, Олежка! В этот раз не оплошаем!

— А теперь серьезно, Максим. Мне сейчас Маша сказала...

Тут раздался сигнал пришедшей на телефон СМС-ки.

— Подожди секунду! — высвободил руку Макс и нажал на кнопку.

Номер был незнакомым, а на дисплее высветились слова: «Спаси отца». Макс пробовал

перезвонить, но приятный женский голос сообщил, что такой номер не зарегистрирован. Как такое может быть, Макс так и не понял. Он тут же позвонил отцу — телефон не ответил.

— Слышишь, друг! Не время, занят я, понимаешь? — прервал Олега встревоженный непонятным сообщением Макс.

— Понимаю, как не понять! — обиделся Олег. — А ты понимаешь, что уезжает она?!

— Кто уезжает, куда?

Оказывается, некоторое время, вернее, с минуты, когда Макс прочел сообщение, Олег разговаривал сам с собою.

— Я же тебе говорю: сейчас, когда мы к тебе подходили, сказала, что уезжает домой! Эх, ты! — махнул рукой Олег и зашагал прочь.

Макс не стал его догонять.

Ближе к вечеру Максиму позвонили по сотовому. Он не сразу сообразил, что говорит молодая жена отца, а стало быть его мачеха. Звали ее странно, на иностранный манер — Жаннет. Женщина захлебывалась рыданиями. Макс ничего не мог разобрать, собирался отключиться и еще раз перезвонить отцу, когда услышал другой женский голос, на этот раз неестественно спокойный.

— Вы Максим? — осведомилась звонившая дама, хотя это было очевидно. — Я подруга Жаннет. Должна вам сообщить, что ваш отец при

смерти.

— Как, почему? — кричал в трубку Макс. — Я ведь с ним только вчера разговаривал, он сказал, что все хорошо...

Потом еще что-то говорила мачеха, но Макс от охватившего его волнения понимал ее еще меньше. «Спаси отца» — вспомнил он СМС-ку.

«Надо немедленно ехать домой!» — решил Макс.

— Этого не может быть, я совсем недавно с ним разговаривал. Я совсем недавно с ним разговаривал! — почти вслух твердил Макс, уже сидя в салоне самолета.

Сосед-пассажир, по виду военный в отставке, с изумлением глянул на него, но ничего не сказал. Стюардесса что-то говорила, кажется, предлагала еду и напитки, но Макс даже не взглянул на нее.

Сосед, прихлебывая из своей фляжки, покосившись на Макса, вероятно, подумал, что тот летит в первый раз и потому взволнован. Тогда отставной военный знаком предложил угоститься напитком. Макс вспомнил, что в таких ситуациях, чтобы расслабиться и успокоиться, нужно выпить спиртное, но при мысли об этом его начинало мутить.

«Господи, — молился про себя Макс, — возьми у меня все, дай любое другое горе, любую ношу, болезни и безденежье, только сделай так,

чтобы звонок оказался ошибкой, злой шуткой завистников. Сделай так, чтобы отец был живым и здоровым и сказал, как всегда при встрече: «А поворотись-ка, сынку!». Ну бывают же чудеса на свете, почему бы не подарить мне это чудо?!»

Родной город встретил Макса проливным дождем. Грохотал гром и молнии пересекали черное небо. Пока Макс метался по площади в поисках свободного такси, вымок до нитки.

В дороге он то и дело торопил таксиста, поминутно повышая обещанную плату за проезд.

— Мы и так летим, остановит гаишник — несдобровать мне, — ворчал водитель.

— Ничего тебе не будет — это я беру на себя, — отвечал Макс.

Дверь отворил Петрович. Так и должно было быть. Представить родительский дом без этого человека, да еще няни Аринушки Макс не мог.

— Что с отцом? Где он? — встревоженно спрашивал Макс.

— Андрей Семенович-то? Да где же им быть? Спят они. Ты ведь не предупредил о приезде. А что случилось?

В полутемном коридоре мелькнула тень.

— Максимушка, соколик! Да что же ты на пороге стоишь?!

Это Аринушка, Арина Тихоновна.

— Дай поглядеть на тебя, милый!

— Да чего глядеть-то, завтра налюбуйешься, — сурово прервал ее Петрович.

Он, конечно, тоже был рад приезду Максима, но всегда неукоснительно соблюдая правило «порядок прежде всего», приступил к необходимым распоряжениям.

— Обсушиться человеку с дороги надо да на стол накрыть бы поскорее, — строго указал он Аринушке.

— Максимка! — удивленно и обрадованно воскликнул отец, появляясь в гостиной, куда Петрович и няня препроводили Макса. Но тут же его радость сменилась тревогой. — Что случилось, сынок?

Макс с облегчением вздохнул.

— Отец! Так значит, ты не болен? Но почему не отвечал по телефону?

— А ты разве звонил?

— Дай твой телефон! — сказал Макс и разочарованно добавил: — Действительно, ни одного звонка от меня. Что за наваждение?

— Да у нас тут страшная гроза была. Вот, видно, связь и пропала.

— Но должно поступить сообщение, что связь восстановлена, — с сомнением протянул Макс.

— Да Бог с ней, со связью, сынок! Зато ты дома.

Макс промолчал об СМС-ке.

Нянька уже металась из кухни в гостиную, накрывая на стол.

— Радость-то какая! — непрерывно всплескивала она руками. — А Жанету Ивановну будить?

— Да нет, не нужно беспокоить! — отвечал Андрей Семенович. — Тем более что нам с сыном есть о чем поговорить.

— Ну да, ну да, всегда есть о чем говорить отцу с сыном.

За ярко освещенным столом Максусу стало ясно видно, как за относительно короткое время изменился отец. Говорил он, как и раньше, довольно связно и энергично, но выглядел каким-то усталым, казался слабым, разбитым.

— Старее батя, — думал Макс, протягивая фужер с вином, чтобы чокнуться с отцом.

— Ну, за встречу, сынок! — сказал Андрей Семенович.

— За встречу, отец!

«Но кто же все-таки послал СМС-ку? Может, это чья-то глупая шутка? И почему так рыдала мачеха и говорила о болезни, если отец вот он, передо мною сидит?» — по-прежнему вертелось в голове Макса.

— Сынок, — осторожно начал Андрей Семенович, — я тебя уведомял, что у тебя... ну

это, как сказать, мачеха, что ли, появилась.

— Ну да, отец, не беспокойся: ты счастлив — и мне хорошо.

— Твою маму, Максим, мне никто не заменит, — поспешил признаться Андрей Семенович. — А что касается Жаннет...

— Жаннет? Иностранка, что ли?

— Да куды там! — вмешалась няня, появившаяся в гостиной с блюдом, наполненным разогретым в духовке мясом, но встретив строгий, предупреждающий взгляд Андрея Семеновича, замолчала, однако не утерпела, чтобы, махнув рукой, выходя из комнаты, не сказать напоследок:

— Иностранка! Куды там!

Андрей Семенович опять строго взглянул на нее.

— А, живите, как знаете! — оставила за собой последнее слово строптивая нянька, задерживаясь в дверях.

— Да нет, сынок. Я ведь тебе говорил. Обыкновенная девушка, то есть необыкновенная красавица.

— И все! — опять высказала свое мнение нянька, на этот раз скрываясь за дверью.

— Чего это она? Всегда такая тихая да ласковая со всеми, а тут?! — заметил Макс об Арине.

— Не сдружились, — коротко ответил

отец. — Да и то сказать, большая разница между Жаннет и твоей матерью. — И добавил, словно про себя: — Если бы эту разницу я раньше увидел...

«И все-таки, — думал Макс, — почему эта Жаннет мне позвонила, сообщила страшную новость, а теперь не выходит в гостиную? Отец хоть и сдал, конечно, но все-таки не выглядит смертельно больным. Нужно бы с мачехой объясниться».

А молодая жена Андрея Семеновича — Рита, то есть Жаннет, хотя и слышала шум в доме, а затем и разъяснения старой няни о том, что приехал сын мужа, не стала спускаться в гостиную среди ночи. Вся эта катавасия со звонком была затеяна ее подругой Региной, которая была почему-то уверена, что Андрей Семенович скоро умрет. Эту мысль она внушала и Рите, как бы готовила ее к страшному событию. Она и заставила подругу позвонить Максиму, хотя не предполагала, что тот сорвется и так скоро примчится домой. Но главная причина того, что Рита не хотела спуститься в гостиную, была самой прозаической, однако очень важной для мачехи: она намеревалась утром предстать перед пасынком во всем блеске своей красоты.

«Что, если и этот влюбится без памяти? Вот была бы потеха!» — сладко щурилась она свои красивые глаза, укутываясь получше в одеяло из китайского шелка.

Глава 6

О мачехе Макса нужно рассказать отдельно. Звали ее Маргарита Евгеньевна, в девичестве Чулкова, однако она с некоторых пор, о которых будет сказано позднее, предпочитала, чтобы все называли ее Жаннет.

Она считала себя совершенной красавицей, что, по правде говоря, так и было. Эта девушка была так хороша, словно сошла со страниц старинного романа, где главные роли играли отважный рыцарь и его прекрасная дама. Только вот душевной красоты, данной всем в раннем детстве, под напором жизненных обстоятельств ей сохранить не удалось. Как знать, если бы прекрасный принц явился вовремя, может быть, ее жизнь сложилась бы красиво и счастливо. Впрочем, прекрасный принц — хороший и честный мальчик, настоящий «рыцарь без страха и упрека» у нее был, правда, недолго, и рассмотреть, убедиться в том, что это он, ее принц, и есть, Рита не успела, в чем, надо признать, сама была виновата. Но и об этом опять же позже.

Итак, Рита была чудо как хороша! Водопад золотисто-рыжих от природы волос, как описывают авторы тех же старинных романов, свободно струился по ее плечам нежнейшей белизны и

словно подсвечиваемых изнутри розовым светом. Обычно у людей с природным рыжим цветом волос бывает белая нежная кожа, но, как правило, усыпанная множеством веснушек, так что лицо иной рыжеволосой красавицы выглядит пестрым, как перепелиное яйцо. На лице и теле Риты не было ни пятнышка. Ее ярко-зеленые с золотистыми искорками глаза, опущенные темными ресницами, глядели из-под прямых темных бровей чуть напряженно, прямо и требовательно. Она напоминала пушистого, почти ручного зверька, но вот именно что «почти». Эта пушистая ласка в один миг могла показать свою сущность, безжалостно «цапнуть», то есть уколоть душу, причем пребольно.

И откуда только в ней взялась эта способность видеть слабые места в человеке — во внешности, в характере. Не становись на ее пути, она не пожалеет — унизит, растерзает и растопчет! Впрочем, когда нужно было, ее очи искрились вкрадчивой нежностью, так что вполне можно было принять светящееся в них выражение милой невинности за чистую монету. Внушению обольстительного обмана способствовал нежный румянец, заливавший время от времени по-детски округлые щечки, а слегка припухлые розовые губки с четкими очертаниями складывались в очаровательно наивную улыбку. Она умела очень

мило и застенчиво улыбаться, обнажая белые, немного мелковатые, но безукоризненно ровные зубки. Чистого высокого лба, казалось, никогда не касались треволнения этого мира, так что напрасно было бы надеяться увидеть на нем хоть одну морщинку раздумья, как и застать девочку в задумчивой позе или с тревожным выражением на лице.

С самого раннего возраста в этом мире Риту ничего не интересовало, кроме нее самой. Иначе и быть не могло — так ее воспитали. Осыпаемая похвалами ее очарованию и красоте, она выросла в твердой уверенности, что дурнушкам незачем жить на этой земле и, кроме презрительной жалости, они ничего не заслуживают. Все усилия ее сводились к тому, чтобы совершенствовать свою красоту и обеспечивать комфортное состояние телу. Частенько она потихоньку пробиралась в комнату, которую в семье называли «зала», хотя на это звание — «зал» — по своим размерам и состоянию помещение никак не могло претендовать.

Потрепанная старая мебель: шифоньер, обитый дерматином диван да облезлые колченогие стулья вокруг шатающегося стола — вот и вся меблировка «залы». На подоконниках с облупившейся местами краской стояли цветы, они одни и украшали бедную комнату. Эти растения, словно не замечая, что лишены свободы, буйно

поднимали зеленые шапки над цветочными горшками.

Там, в «зале», у засиженного мухами зеркала Рита любовалась своим отражением: и так повернется, и этак, и прозрачную косынку, словно вуаль, накинёт, сквозь нее лицо казалось еще красивее. Счастливое ожидание будущего, радость настоящего еще больше красили это миловидное лицо.

Мать, ее звали Галина, замечала такое поведение дочки, но не вмешивалась. Также снисходительно относилась и к ее увлечению модными журналами. Замызганные разрозненные картинки время от времени появлялись в доме. Рита выпрашивала их у подруг, так как родители категорически отказывались «тратить деньги на пустяки, когда в доме есть нечего».

Однако, несмотря на финансовые затруднения, мать все же, как могла, баловала старшенькую. Она очень любила выходить с нею «на люди», именно с нею, хотя младшие, не такие красивые девочки, как Рита, со слезами упрашивали взять их с собой. Такое пренебрежение к младшим еще более усиливало уверенность Риты в своей исключительности и девочка с нескрываемым нетерпением ждала выходных, когда вдвоем с матерью они, принарядившись, шли в магазины, в кино, в парк. Мать с гордостью выслушивала

комплименты в адрес дочки.

Даже к тому, что она сама была нехороша собою и незнакомые люди, которых притягивала и располагала к общению красота девочки, как правило, удивлялись и не верили, что Рита ее дочь, мать относилась спокойно, ее грело сознание того, что она произвела на свет такую красавицу. Время от времени Галина для порядка говорила о том, что в человеке гораздо важнее не внешняя красота, а внутренняя, но иногда, сама того не замечая, подливала масла в огонь. К примеру, рассказывала, какую она некрасивую девочку видела, когда недавно ехала в автобусе.

— Ну чистая обезьянка! Глазки маленькие, лобик узенький, и все своей матери твердит: «Купишь мне шоколадку?» Та ей, конечно, отвечает, что купит, потому что жалеет страшненькую дочку. То ли дело ты у меня — красавица! — с гордостью заканчивала свой монолог мать.

— А мне ты купишь шоколадку? — спрашивала Рита.

— Конечно, куплю, ведь ты у нас не только красавица, но и умница! Шоколад страх как полезен для умственности!

Итак, Рита и мать, принарядившись, любили, что называется, показаться на людях. Если были деньги, брали билеты в кино, если не было и погода

позволяла, просто гуляли по аллеям парка. Обычно они садились на скамью, мать с безразличным и рассеянным видом смотрела по сторонам, замечая, однако, что прохожие оглядываются на них, отмечают взглядом красивую девочку. Нередко люди останавливались и, особенно дамы, осыпали мать и дочь комплиментами.

Но однажды к ним на скамью подседа какая-то женщина, по виду цыганка.

— Это твоя девочка? — спросила она.

— Дочь, — с достоинством ответила Галина, решив пока не обращать внимание на фамильярное «ты» и добавил: — Вот только гадать нам не надо, и так все сами знаем наперед.

Цыганка не отреагировала на замечание, но с любопытством и некоторой тревогой продолжала смотреть на девочку.

— Надо же! Видно, папа очень красивый? — вырвалось у цыганки.

— Нет, на меня в молодости похожа!

— Надо же! Как все-таки безжалостно время!

— Я дочку воспитываю в понимании того, что в человеке гораздо важнее не внешняя красота, а внутренняя, — по-прежнему с большим достоинством сказала Галина, но неожиданно вздохнула. — Хотя, исходя из собственно жизненного опыта, не могу не сознавать, что в жизни-то частенько побеждает первая.

Цыганка согласно кивнула. Это ее молчаливое согласие приободрило Галину и она продолжила развивать свою мысль:

— Я за свою дочку спокойна. Уж она-то своей красотой правильно распорядится, не то что я.

Цыганка покачала головой.

— Да, но только сделай ты тогда все по-другому, еще хуже вышло бы. Ведь твой теперешний муж любит девочку, как родную.

Галина испуганно оглянулась на Риту.

— Когда «тогда»? Откуда вам знать? — набросилась она на цыганку. — Я уже сказала, что не верю гаданиям.

Галина вздохнула и почему-то сразу же успокоилась.

— Да что теперь говорить, раньше надо было думать. А то помчалась за любимым, как скаженная! Нет чтобы мозгами-то пораскинуть: куда, зачем? Так нет же, любви, счастья хотелось! А где они, эти любовь да счастье? Вспыхнули да погасли. Эх!

Цыганка сочувственно кивала.

— Отпустила бы ты свою любовь, глядишь и с нынешним мужем все бы наладилось, все стало бы по-другому.

— Легко сказать, — Галина опять вздохнула, но тут же гордо вскинула голову. — А мы живем, как все, не слишком хорошо и не очень плохо. Так

что нечего меня учить, сама кого хочешь научу.

Галина, собираясь уходить, резко встала, дернула за руку Риту.

Цыганка почему-то сочувственно вздохнула.

— Ну счастливо вам! Гадать не захотели, но я все равно скажу: береги дочку, ох, береги!

— Да ну, слушать вас всех! — отмахнулась от гадалки Галина и скорее увела Риту, однако торопливо повторяя про себя: — Господи, спаси и помилуй мою девочку!

В школе Рита училась на «отлично». Учителя, делая замечания по поводу ее легкой рассеянности на уроках, все же отдавали должное ее способностям — на редкость цепкой памяти и прилежанию и прочили ей, при достаточном старании, учебу в университете. Мать тоже была в этом уверена. «Ты у меня и институт закончишь, и парня найдешь самого хорошего, с «присыпочкой!» — говаривала она.

Маленькая Рита, это юное создание, не прилагая усилий и беря только внешностью, очаровывала окружающих своими несколько наивными и наиграно застенчивыми манерами, а потому ее всегда выдвигали для ведения программы всех школьных концертов и праздников, а также для приветствия руководства и делегаций. Она легко заучивала тексты и бойко, «с

выражением» чеканила слова со сцены.

Одноклассницы относились к ней по-разному: кто-то в тайне завидовал, кто-то подражал, кто-то искал дружбы, но настоящей подруги у Риты все же не было. Одноклассники же да и некоторые ребята постарше, разумеется, все были в нее по уши влюблены.

Так продолжалось класса примерно до десятого. А в десятом с Ритой случилось то, что она и предположить не могла. Она влюбилась!

Началось все с того, что в классе появился новенький с непривычным для их мест именем Тимур. Парни встретили его не то чтобы враждебно, но холодно, как бы испытывая, что за человек. Но после того как он показал себя на уроке математики и в физкультурном зале, его безоговорочно уважали. Девчонки же все, как одна, влюбились в него сразу, не подвергая испытаниям. Только Рита внешне оставалась холодна. Да и как иначе, ведь она особенная, ее счастье не здесь, в замызганном приморском поселке, ее поле деятельности — блестящая столица, а то и заграница. Там ждет ее красивый и богатый человек, чьей избранницей она непременно станет. А что будет дальше, Рита думать не могла без замирания в сердце, будущее представлялось ей таким ярким и блестящим, что дух захватывало!

— Рита, тебе Тимур нравится? — на одной из

переменок спросила Риту ее одноклассница, из тех, что старались ей подражать. — Мне очень! Аж сердце стучит, как его увижу!

— Зачем он мне? — холодно отвечала Рита. — Я в этом замызганном поселке оставаться не собираюсь.

— А как же?

— Уеду, в столицу, а то и за границу.

— Да, ты можешь! — завистливо вздохнула подружка. — За олигарха выйдешь, за бизнесмена!

— Конечно! За самого богатого и самого красивого!

— О, послушайте-ка: Чулкова замуж собралась! За богача! Детей нарожает и будет дома сидеть! — закричала одна из слышавших их одноклассниц.

— Ну да, так и будет! — подросли другие девочки. — Только зачем ей тогда учиться? Зря, видно, Ольга Николаевна ее хвалит!

— Да пошли вы! — вырвалась из круга обступивших ее одноклассниц Рита.

— Еще обзавидуетесь! — буркнула она про себя и, сердито глянув на Тимура, скромно и терпеливо стоявшего у стены коридора, и, вскинув голову, направилась в класс.

Тимур не брал во внимание Ритины планы, хотя она и намекала, что надежды у него нет. Упорно и настойчиво он ждал ее каждый день

после уроков, несмотря на то, что домой им было вовсе не по пути. Каждый раз, когда школьники гурьбой выбегали на улицу, Рита не без внутреннего трепета (за который она сама на себя сердилась) ждала, что вот-вот ее догонит этот странный, по ее мнению, паренек. Так и выходило: едва она, распроставшись с подружками, сворачивала в свой переулок, как он вырастал перед нею словно из-под земли. Потом они шли вместе и гораздо дальше ее дома.

Глава 7

В тот год, последний год Ритиной безмятежной юности, сентябрьские дни стояли прозрачные, тихие и торжественно праздничные. Яркое солнце светило совсем по-летнему.

Тропинка звала-бежала к морю и подростки — Рита и Тимур — спешили туда, где простор водной стихии смешивался с бесконечностью неба, где волны накатывали на ровный берег и их соленые брызги орошали разгоревшиеся под по-летнему горячим солнцем лица. Их любимым местом был «дальний» пляж, где даже в разгар купального сезона было пустынно. А не было там людей потому, что добраться до пляжа было очень нелегко.

Да, нелегкой, но замечательной была дорога к

этому «дальнему» пляжу. Тропинка вилась по-над кромкой берега, так что можно было, подойдя к его краю, видеть прозрачные тела медуз, подплывающих к самой поверхности воды. Пенистые волны выносили на берег темно-зеленые, тяжело пахнущие морем и йодом листья морской капусты. Они, словно пряди волос неизвестного существа, плавно колыхались в воде, цеплялись за обточенные волнами камни и, оставаясь на берегу, высыхали, превращаясь в обыкновенную жухлую траву.

Отвесные скалы пугали. Их темные каменные стены казались мрачными и неприступными, тяжело и властно они возвышались над морскими просторами, бесстрастно наблюдая, как волны разбиваются об их крутые бока. Поневоле каждый чувствовал в этом месте силу и мощь природы, неприступной и равнодушной к людским страстям.

Рите и Тимуру приходилось, цепляясь руками и прижимаясь лицом и телом к холодным камням, шаг за шагом преодолевать неизвестно кем проложенную здесь узкую тропу, каждый шаг по которой был опасен. Но молодость любит рисковать. Рита и Тимур, цепко хватаясь за выступы горной породы, потихоньку пробирались по тропинке, которая сколько ни тянулась, все-таки должна была закончиться и потому конечно же заканчивалась.

Вот и последние шаги по каменной дорожке. А дальше еще одно препятствие. Два течения с шумом сталкивались друг с другом, их воды, протискиваясь сквозь будто нарочно установленные в этом месте камни, словно лбами сшибались, орошая все вокруг солеными брызгами, но затем, «помирившись», поток двигался в одном направлении.

И тут темные, нависшие над стремительными потоками скалы тоже внушали мысли о мощи и непобедимой силе природы.

— Ух ты! — взволнованно, словно видела разгул стихии в первый раз, восклицала Рита.

— Осторожно, камни скользкие! — с покорной заботливостью говорил Тимур.

Но Рита только смеялась в ответ, нарочно балансировала на камне и делала вид, что вот-вот упадет.

А потом они, вдоволь, до синюшной кожи накупавшись в море, жгли костер, грелись и просто сидели и разговаривали. Обо всем и ни о чем.

Ближе к вечеру по той же опасной тропинке возвращались обратно и Тимур, словно нечаянно, касался плеча Риты, с замиранием сердца ощущал нежность ее тонких пальцев в своей руке, когда помогал ей перепрыгивать через острые камни-валуны.

У калитки Ритинога дома они прощались, но

Тимур еще долго смотрел, спрятавшись в тени дерева, как в доме загорался свет, как собирали на стол к ужину. Смотрел, старясь среди мелькавших теней угадать дорогой ему силуэт, смотрел и не мог насмотреться.

Несчастья в семье, начались, пожалуй, с того злополучного дня, когда Рита рассказала матери о том, что учитель истории почему-то оставляет ее для дополнительных занятий, хотя она вполне успевала по его предмету. Рита рассказывала весело, стараясь рассмешить Галину.

— Что же здесь смешного, он правильно, наверное, говорит, — недоумевала мать.

Рита продолжала смеяться.

— Да, но еще он гладит коленку и под кофточкой.

— Ты понимаешь, что это значит? — сердилась мать.

— Понимаю, конечно. Да ладно, мам, что здесь такого, интим ведь он мне не предлагает.

— Интим?! — задохнулась Галина.

— Мама, ты отстала от жизни. Это ведь смешно, он старик, ему, наверное, лет тридцать!

Рассвирепевшая мать семейства в тот же день, ворвавшись в учительскую, пыталась по-свойски расправиться с нахалом. Двенадцать лет работы на ферме превратили ее из худенькой женщины в

гром-бабу.

— Все вот этими руками! И доить, и корма таскать, и бидоны с молоком — все вот этими руками! — бывало выкрикивала Галина, когда сердилась на своих девчонок.

Твердо упираясь в пол толстыми ногами, она демонстрировала дочкам красные натруженные руки с узловатыми пальцами. Тяжелый труд до того основательно укрепил ее тело, что если, бывало, шлепнет сгоряча которую из дочек по мягкому месту, то мало девчонке не казалось. Так что, надо полагать, грешника-учителя также ожидала основательная трепка.

Но весь остальной, женский коллектив школы, экстренно собравшийся в учительской, не без указания директрисы встал грудью на защиту своего коллеги. Затем и сам он, вызванный директором туда же, в учительскую, дал честное слово, что «ничего не было». Вот ведь что интересно: это «ничего не было» надо понимать как не было секса, а остальное не считается? Может быть, и считалось, если бы был полный штат педагогов, если бы не было так мало мужчин-учителей, если бы...

Закончилось все плохо. После скандала житья «недотроге» и «врунье» не стало. Рита не придумала ничего лучшего, как все чаще пропускать уроки, а потому добавилась еще одна

проблема — с успеваемостью. Постепенно все, что было интересного и привлекательного в школе, окончательно померкло и свелось к одному слову — «скучно». Несмотря на постоянное ворчание матери и угрозы отца: мол, не взирая на то, что такая дылда вымахала, он отходит ее как следует ремнем по мягкому месту, Рита вовсе перестала появляться в учебном заведении. Однако перед подругами она хорохорилась, делала вид, что все, что происходит в школе, всего лишь детские забавы, а у нее своя, взрослая жизнь, что она встречается с серьезным «мэном», который катает ее на автомобиле и кормит в дорогих ресторанах.

— У него в машине шикарный музон! — гордо сообщала Рита.

— Рассказывай же все подробно! — перебивали подруги.

— Подробно так подробно, — как бы нехотя соглашалась Рита. — Ну вот, приехали мы к ресторану. Славик вышел, а на него все эти, ну, что у ресторана толкуются, так и набежали (стекла тонированные, не видно им, дурам, что я тут, в машине сижу!). Но Славик, я вам скажу, молодец! Девочек — в сторону и мою дверцу открывает...

Рита, подогревая интерес слушателей, замолчала.

— Ну дальше-то что, дальше-то? — затормошили, заныли, заканючили девчонки.

— Дальше? А дальше, конечно, ресторан.

— Как называется? — хмурясь, спросила высокая девица по прозвищу Дылда.

— Тебе-то зачем? Тебя туда не пригласят! — оборвала ее Рита.

— Ну ладно вам! Давай дальше рассказывай! — прервала их перепалку другая девушка — маленькая и пухленькая, по прозвищу Колобок.

Обе стороны: рассказчица и слушательницы прекрасно знали, что разгуляться в их райцентре, куда, по рассказам Риты, она ездила с кавалером, негде, так как такие шикарные заведения, в которых она, якобы, бывала, встречаются в других населенных пунктах — в городах. Однако подруги на выдуманную любовную историю со страстями отвечали завистливыми восклицаниями и вздохами.

— В ресторане у нас лучший столик. Где лучшее место в ресторане? Возле эстрады!

Об этом Рита знала из фильмов. Вообще кинематограф очень помогал ей по части вранья. Хотя врала она так самозабвенно и вдохновенно, что подруги прощали ей ложь. Прощали, потому что Рита была, во-первых, красоткой, во-вторых, девчонкой боевой, так что вполне тянула на роль посланницы от их маленького мирка в большой взрослый мир, где сбываются самые нереально красивые мечты, где мчатся шикарные авто,

блистают витринами кафе, магазины и рестораны, а сами девушки на негнущихся от высоченных каблуков ногах, облаченные в блестящие ткани, слегка прикрывающие их загорелые в солярии тела, входят в услужливо распахнутые швейцарами двери этих самых ресторанов.

— А что ели-то? — затаив дыхание, допытывались девочки.

— Пили красное вино. Марку не помню, не приставайте! — прикрикнула Рита на подруг. — А ели... Ну, омаров там, еще салаты были, а еще вот: вафельные тонюсенькие трубочки с креветочным маслицем и красной икоркой, пальчики оближешь!

Далее, похоже, ничего из киношного меню перед ее мысленным взором не всплывало. Рита поднапряглась:

— Ах да, — жеманно повела она головой. — Торт был!

— Большой торт?

— А то! Конечно, большой! В три ряда, внизу огромный, дальше поменьше и еще поменьше.

— А украшен как?

— Украшен? Ну цветочки там разные, розы. (Рассеянно). Ах да, он мне еще цветы подарил, розы.

— Розы? А где взял-то?

— Да бабка там одна продавала, у нее и взял! Представляете, двадцать роз! И каждая тысячу

рублей стоит!

— Привираешь, — опять сказала Дылда. — Да и не положено живой женщине четное число цветов дарить.

— Много ты понимаешь! Может, и не двадцать было! Стану я пересчитывать, только позориться!

Рита надула губки, что означало: если Дылда не перестанет, то подруги не услышат продолжения рассказа.

Девочки зашикали на Дылду, но у той опять вырвалось:

— Неправда! Что же, он двадцать тысяч какой-то бабке отвалил?!

Но Рита уже не слушала ее. Легким шагом она двинулась к своему дому, каждой клеточкой своего молодого, упругого тела изображая веселье и независимость. Да и чего ей возиться с этими замухрышками, ведь только у нее, красавицы и умницы, впереди счастье, а эти убогие и так проживут как-нибудь.

Итак, Рита окончательно и бесповоротно выбрала своим кумиром себя любимую. Теперь она с еще большим упорством работала над собой, но отнюдь не в интеллектуальном плане. Все ее усилия сводились к тому, чтобы выклянчить у матери денег на новую кофточку, разогнав сестренку,

чтобы не мешали, смотреть телепередачи о жизни звезд да бесконечно перелистывать одни и те же журналы. Время до встречи с принцем на белом коне тянулось невероятно медленно и скрашивали ее пока бессмысленное существование только почти невинные вечеринки с друзьями. Докучал, правда, Тимур.

— Все ходит и ходит за мной! — с возмущением рассказывала она матери. — Что ему от меня надо? — скрывая улыбку, потому что прекрасно понимала, что очень нравится Тимуру, продолжала она.

— Присмотрись-ка, доча, к парню хорошенько. Спесивой быть — век в девках просидеть.

— Да ну, мам! — отмахивалась Рита. — Я вообще замуж не собираюсь!

— Как это? — удивлялась мать.

— Не собираюсь — и все!

— Это почему же?

— Потому что если выйду замуж, закончится любовь.

— Ты ошибаешься. Может быть, еще сильнее разгорится.

— Закончится любовь и зачем тогда вместе-то быть? — не слушая мать, мечтательно продолжала Рита — А любовь — это самое прекрасное чувство и только ради нее стоит жить!

Глава 8

Андрей Семенович Бероев, отец Максима, был, по мнению окружающих, человеком добрым, но чудаковатым. Вдовел уже второй десяток лет, но все еще грустил по рано оставившей этот мир жене. Он был не беден, имел свой бизнес, несколько автомобилей и отличный загородный дом, все это приобрел трудом и лишь для того, чтобы сын ни в чем не нуждался. У него были богатые родственники за границей, но он никогда не интересовался своей долей наследства. Были когда-то люди, которых он горячо любил — жена, отец, мать, дядя по отцу, только все они оставили этот свет. Светлые воспоминания о них жили в душе Андрея Семеновича, он часто открывал альбомы с милыми сердцу фото и подолгу сидел в кресле почти неподвижно, углубившись в свои воспоминания.

Рите до горестей Андрея Семеновича не было дела, но именно такой человек представлял для нее прекрасный вариант и мог воплотить в реальность все ее мечты. Девушка давно и четко нарисовала в своем воображении картину ее идеального дома и чуть ли ни при первом же посещении коттеджа Бероева ходила по комнатам, мысленно меняя обои, переставляя мебель, добавляя, где нужно, картинки,

вазы, дорогие безделушки — такие, какие она видела в глянцевых журналах.

Ей понравилась роскошная столовая с большим шкафом, наполненным дорогими, украшенными позолотой сервизами, только обеденных она насчитала шесть, а уж кофейные да чайные и смотреть не стала; понравились серебряные приборы, все эти числом каждые по двенадцати вилки с изящно выгнутыми ручками, ножи ровные и с зазубринами, лопатки, ложки всех размеров, судки, подносы, ведерки под шампанское и так далее.

— Так, няньку — вон (странно, что в доме все еще проживает бывшая няня, кому она нужна?!), пасынка переселю в самые дальние комнаты, хотя, думаю, хватит с него и одной. А вот в этой комнате будет моя спальня — так хороши эти огромные окна, — с радостным замиранием в сердце размышляла Рита.

— Как, бишь, зовутся такие окна? — спрашивала она у «Андрюсика», теперь так называла она хозяина коттеджа.

— Полуциркульные, — отвечал Андрей Семенович, слегка поморщившись от резанувшего слух «бишь», — но я хотел, чтобы тут по-прежнему была малая гостиная.

— Ну нет, только моя спальня! Ну Андрюсик, зая, дорогой... — капризно тянула она.

— Хорошо, — вздохнув, соглашался Андрей Семенович. — Пусть будет твоя спальня.

— И стеклянная дверь выходит на террасу! Это же просто класс! Поставлю там белый столик и стулья, и белого цвета кушетку. И цветочки, цветочки летом. Тут же, недалеко от террасы велю сделать бассейн с синей и малиновой подсветкой, чтобы можно было плавать вечером в теплой воде. Эх, хорошо! — крутилось в голове Риты-Жаннет.

— Но что здесь за уродливая мебель! — думала она через минуту. — Вон, всё вон!

Громко: — Что ты говоришь, Андре? (Рита Андрея Семеновича иногда называла на иностранный манер, не подозревая, что он и вправду русский лишь по бабушке, а его отец и он сам — представители древнего рода английских аристократов) — Это дуб?

И опять про себя:

— Боже! Как мрачно? К чему здесь такой темный, изукрашенный грубыми цветами шкаф, хотя бы и дубовый? У меня все будет в ярком малиновом цвете. Хотелось бы в розовом, но над Барби теперь все смеются, а по мне, так лучше ярко-розового цвета мехов, сумочек и туфельек ничего и быть не может. Итак, малиновый цвет обоев, большая кровать, белоснежное покрывало, малиновые подушки, мохнатый ковер, белый туалетный столик и много-много пузырьков и

флакочников с самыми дорогими духами, еще косметика самых известных брендов, а еще...

Тут Андрей Семенович, приобняв за плечи, увлек ее к балкону, с которого открывался великолепный вид на раскинувшееся в самом буйном цвету поле, окаймленное здоровыми кудрявыми березами и веселыми кленами. Подальше ракиты купали свои ветви в пруду, далеко внизу серебрилась река, а за ней опять луга в рамке зубцов темных елей. Солнце клонилось к закату, открашивая горизонт в необыкновенный алый цвет.

— Красиво, правда? — слегка волнуясь, спрашивал чуткий к красоте природы Андрей Семенович. — Я потому и выбрал именно это место для постройки дома.

— Да, красиво, — соглашалась Рита без энтузиазма, но все-таки так, чтобы не заметно было ее явного равнодушия. На самом деле ей хотелось уйти в комнаты, так как к вечеру уже подбирались прохлада и сырость.

— Еще не хватает заболеть, — думала Рита, которую, как уже было сказано, интересовали только красота и удобство ее тела.

Инстинкт выживания и природная изворотливость подсказали Рите правильную линию поведения. Каждую минуту она была на чеку и, даже когда была уверена, что ее никто не

видит, не позволяла себе расслабиться. Никто бы не догадался, что ее что-либо не устраивает в этом роскошном особняке — Ритино розовое личико выражало полный восторг и обещание совместной счастливой жизни с любимым. Она также решила до поры не рассказывать будущему супругу всей правды о себе, то, о чем с некоторых пор решила забыть напрочь. Потому девушка избегала людей, которые могли бы ей об этом напомнить — о ее прошлой жизни.

Тайну Риты, уже нам известную, составляло то, что семья ее была многодетной и очень бедной. Отец, пока был жив, пил регулярно и также регулярно избивал свою жену Галину, которая, хотя и обладала недюжинной силой и скандальным характером, считала, что муж имеет право распускать руки. После его смерти, жизнь стала еще тяжелее, так как отец, несмотря на пристрастие к зеленому змию, был мужиком работающим и мастеровитым. Рита стеснялась и бедности, и невежества матери, и вечно спорящих и скандалящих друг с другом сестер, а потому ни за что не выдала бы Андрею эту свою тайну, но, надо думать, не единственную.

Как уже было сказано, она была красива и с самых ранних лет выделялась среди своих дурнушек-сестер, как лебедь среди серых утиц.

— Словно ангел на землю спустился, —

говорили соседки.

Галина соглашалась и пускалась в воспоминания о тех временах, когда она сама поражала красотой всех окрестных молодых людей. Но соседки только качали головами: представить Галину красавицей было невозможно.

Отец и мать, возлагавшие на дочь больше надежды в форме их, родительского будущего безбедного существования, как могли, баловали ее, не забывая внушать понятия ценности целомудрия и девичьей гордости. Рита эти правила очень хорошо усвоили: ко всем своим поклонникам она относилась с гордым пренебрежением и даже некоторой брезгливостью. Целомудренность не была для нее пустым звуком, Рита берегла себя для будущей прекрасной, полной больших и маленьких радостей жизни.

Надо добавить, что в семнадцать лет Рита вдруг отступила от своего правила быть всегда довольной собой, она (совершенно необоснованно) решила, что начала непозволительно поправляться. Бог знает, что творится в эти лета в девичьих головах, что там приходит им на ум, но Рита решила довести себя до совершенства и приступила к борьбе с лишним весом. Желание это странным образом трансформировалось в отказ от всех блюд, кроме черного кофе без сахара.

Однако великие жертвы во имя красивой внешности не исключал общения с компанией таких же, как она, тинейджеров, где красота Ритули уже была признана, где она являлась предметом вожделения мальчиков и зависти девочек, а после истории с домоганиями учителя, она стала еще более привлекательным объектом для молодых людей.

В ее компании были одноклассники и ребята из старших классов, лишь Тимур по понятной только ему причине избегал такого общения.

«Ревнует... — с удовлетворением думала Рита. — Вот глупый, честное слово!»

Ко всем остальным ребятам в компании Рита испытывала одинаковое чувство холодного презрения и сознания того, что ни один из них — небогатых, неуклюжих, словом, еще раз пять «не»-ее, такой красавицы, не достоин. Однако на них можно было отрабатывать приемы светской львицы — это очень пригодится в будущей шикарной жизни.

В тот вечер, вероятно, один из последних погожих осенних вечеров, все было, как обычно. Собрались в доме одной из девушек, мать которой работала в ночь (отец давно исчез с горизонта). Выпивали, танцевали под грохочущую музыку, тесно прижимаясь юными разгоряченными телами, смеялись и орали что-то друг другу на ухо. В

полвторого пришли разгневанные родители двух девочек-сестренок, пригрозили прекратить такого рода сборища. С их уходом веселье вновь было вспыхнуло, но скоро погасло вовсе, и друзья решили расходиться. Хозяйка предложила привести комнату и кухню в порядок, только Риту и дома-то приобщить к хозяйственной деятельности было трудно, потому она без зазрения совести увильнула от этого предложения.

Вышли на воздух. Не отходивший весь вечер он нее одноклассник Сергей и тут оказался рядом. Но Риту не устраивали слюнявые поцелуйчики «малыша», который был младше ее почти на полгода и не отличался атлетическим телосложением. Однако девушка решила над ним покуражиться. Она сделала вид, что очень пьяна, что было нетрудно, так как действительно была довольно пьяной — истощенный на непосильной диете организм легко поддался действию алкоголя, которое все усиливалось. Вскоре Рита уже не шутя шаталась и падала, так что Сергею с трудом удавалось удерживать девушку и ее размахивающие во все стороны руки.

Так и шли они по ночной улице поселка, не замечая, что за ними тихо движутся белые «Жигули».

Пассажиры автомобиля, поравнявшись с парочкой, предложили девушке оставить

незадачливого кавалера и прокатиться с ними.

— С ветерком! — уговаривали они Риту.

Их тон был вполне миролюбивый, даже уважительный, к тому же Рите показалось, что с одним из парней, кажется, Виктором, она как будто знакома. Сергей пытался было удержать ее, но девушку это только разозлило, она, с презрением оттолкнув протянутую руку, под одобрительные возгласы новой компании взобралась на заднее сиденье салона.

Мотор выдавших виды «Жигулей» фыркнул, водитель газанул и автомобиль, поднимая дорожную пыль, видимую в свете фонарей, набирая скорость, поехал.

Глава 9

Приставать и лапать начали почти сразу, едва машина выехала на крайнюю улицу поселка. Рита пыталась отбиваться, потом заплакала, но ее плачь и мольбы только еще больше веселили и подзадоривали ребят, которых давно уже раздражали ее гордость и неприступность, а потому, увидев ее на улице пьяную, в их головах недобрый план созрел почти одновременно: они решили проучить гордячку.

Проехав вдоль поселка, автомобиль свернул в ближайшему леску и остановился. Вся компания со

смехом вывалилась из машины, Виктор выволок за шиворот девушку...

Один из парней крепко держал ее со спины за руки повыше локтей. Виктор вальяжной походкой подошел к ней, заговорил и вдруг резко дернул за волосы, сбил с ног и тяжело навалился на ее тело.

Как могла, Рита сопротивлялась, плакала и царапалась, потом, почти теряя сознание и ощущение реальности происходящего, как-то разом обессилила и только продолжала безудержно рыдать.

— Ну, теперь ты давай! — сказал Виктор одному из парней, оставляя бьющуюся в истерике Риту.

— Не, Витьк, мы так не договаривались, мы ведь только попугать ее хотели. Чтобы не зазнавалась.

— Ну, поговори еще, — в руках Виктора мелькнул нож. — Давай!

Что случилось дальше, Рита видела, как во сне. Раздался крик, откуда-то появился Сережка, оказалось, что это он кричал так громко. Потом Рита увидела, как подросток набросился на Виктора, но тот резко дернул рукой с зажатым в ней ножом.

Сергей застонал и тихо повалился навзничь. Один из напавших на Риту ребят — Анатолий — упал перед расprostертым телом Сережи на колени,

стал трясти за плечи.

— Эй ты, парнишка, жив?

И тут же испуганно отшатнулся — голова Сергея безжизненно свалилась на бок, изо рта просочилась струйка крови.

— Совсем с ума сошел?! — с кулаками налетая на Виктора, выкрикнул Анатолий. — Зачем ножом-то его пырнул?

Но Виктор презрительно оттолкнул его.

— Эту тоже добить надо, расскажет ведь, — сказал Виктор, указывая на Риту. — Никита, ты!

Он протянул нож.

— Это же мокруха, повязать нас кровью хочешь? — выкрикнул Никита, видно, паренек не пропускал криминальные сериалы. — Толька, ходу! — вырываясь из рук Виктора, скомандовал он Анатолию.

— Чего? Куда? — грозно выкрикнул Виктор, но ребята уже бросились в разные стороны, оставив его, Риту и лежащего неподвижно Сергея.

Дрожа как в лихорадке, с заметно бледным даже при свете луны лицом, с ножом в руках Виктор двинулся в сторону Риты.

— Витичка! — взвизгнула Рита. — Я тебя умоляю, не убивай, не надо! Я тебя умоляю, отцом-матерью клянусь — никому не скажу!

Виктор, как бы раздумывая, а на самом деле издеваясь над своей жертвой, приостановился, но

затем опять двинулся к ней. Блеснул нож, однако в то же мгновение преступник охнул от боли и упал на колени. Неизвестно откуда появившаяся рыжая собака крепко впилась в запястье руки, сжимающей нож.

— Рыжик... — выдохнула Рита.

В этот момент Виктор, извернувшись, здоровой левой поднял выпавший из разом ослабевшей правой руки нож и тут же воткнул его в собачий живот. Собака жалобно завизжала и разжала челюсти. Отшвырнув животное в сторону, Виктор стал осматривать раненую руку, зажал ее другой рукою, пытаясь остановить кровь.

— Рита, Рита! — услышала девушка свое имя.

— Папка... — прошептала она.

В просвете между деревьями увидела мечущуюся, выхватывающую из темноты части деревьев точку фонарика, а затем ясно — фигуру отца.

— Папка! — из последних сил крикнула Рита. — У него нож!

Но Виктор, зажав свободной рукой раненую руку, уже бросился бежать. Он, как загнанный зверь, ломился сквозь заросли черемухи, буйно росшей по берегам пересыхающей речки и остановился только тогда, когда лесок остался далеко позади.

— Дочка, Рита! Что, что с тобой?! — повторял

Ритин отец, не смея допустить в сознание ужас произошедшего.

Он подхватил Риту, попытался поднять ее на руки, но девушка, вся сжавшись от стыда и унижения, проговорила:

— Не нужно, я сама пойду. Посмотри, что с Сережкой.

— Мы ему уже не поможем, — сказал отец, возвращаясь к Рите.

— Я же сказала, что сама пойду! — дернулась девушка, когда отец опять попытался ей помочь.

— Ну сама так сама, — растерянно говорил отец, — я лишь немного тебе подсоблю.

От холода и боли ломило все тело, внизу живота болело так, словно все внутренности вывернули наизнанку. Сделав невероятное усилие, Рита поднялась, шагнула, но тут же, пошатнувшись, впилась руками в ствол дерева, потом ее стошнило на пожухлую траву.

— Ничего, ничего, дочка, — приговаривал отец, — дойдем потихоньку до дома, а там посмотрим, чья возьмет!

И немолодой уже мужчина сжимал кулаки и едва сдерживался, чтобы не завывать, не закричать от горя и внутренней боли.

Грязная, растерзанная шла Рита вдоль по улице родного поселка. Отец укутал плечи дочери в свою куртку, но это не могло скрыть беспорядка в

ее одежде.

Мать, увидев Риту такой, сразу все поняла, заплакала-запричитала, но отец неожиданно резко сказал:

— Молчи! Слава Богу, что не убили!

Встретивший Риту на улице Анатолий предупредил:

— Витька велел передать: все равно ничего не докажешь, только опозоришься.

Следователю Рита ничего не рассказала.

— Схватили, затащили в машину, ударили, больше я ничего не помню, — упрямо повторяла она.

Следователь, молодой и подающий надежды, горячился:

— Ну хоть что-то ты должна была запомнить: голос, одежду, что-то необычное.

— Нет, ничего не помню.

Отец, стоя на коленях, умолял ее назвать насильника, но Рита была как камень, повторяла:

— Не знаю, не запомнила его.

Дело об убийстве Сергея тоже застопорилось. Ритиною отца в качестве подозреваемого подержали в СИЗО, но потомпустили. Но даже то, что отец оказался в следственном изоляторе, никак не повлияли на решение Риты молчать обо всем.

О Сергее Рита, казалось, забыла, ведь, по сути, общалась с ним очень мало, а то, что он наверняка был влюблен в нее, так это естественно — не он первый и не он последний. Правда, когда Сереева мать, заливаясь слезами, умоляла ее назвать имя убийцы, Рита едва не сдалась, но тут же взяла себя в руки, чуть слышно прошептав помертвевшими губами:

— Нет, я сама разберусь.

Как она разберется и накажет Виктора, Рита и сама не знала, только все сильнее закипала в ней ненависть к человеку, который разом разрушил ее жизнь.

Молодой амбициозный следователь не отступал. Был найден нож со следами затекшей под рукоятку крови Сергея и животного, но, к сожалению, отпечатков пальцев Виктора на них не было, прошедший накануне дождь уничтожил их. Риту опять вызвали в следственный отдел, предъявили для опознания этот нож, она, увидев его, вздрогнула, что не ускользнуло от внимания следователя, но снова не назвала убийцу.

— Не видела, не помню, — твердила она.

...Виктор после случившегося несколько дней дрожал как лист и ежесекундно ожидал, что за ним вот-вот придут. Мать замечала, что сын как будто не в себе. Хлопнет калитка — он вздрогнет,

бросится к окну, крадучись отведет занавеску посмотреть кто пришел. Из дома не выходит, аппетит пропал.

Однажды, вернувшись из магазина, она без обиняков приступила к расспросам:

— Витька, сейчас в магазине матерей дружков твоих малолетних видела. Шепчутся ведьмы, на меня косятся. Что случилось-то? Говори?

— А я почему знаю, что у них там случилось?! Я их после того и не видел.

— После чего «того»? — насторожилась мать. Виктор разозлился.

— После того «того»! Не лезь, мать, не в свое дело, лучше будет! Ясно тебе?

— Ясно! Есть-то будешь? Картошку греть?

— Да не хочу я.

— Опять не хочу? Уж второй день как «не хочу». Ой, темнишь ты чегой-то, Витька!

— Мать, ты опять?!

— Молчу, молчу.

Ночью Виктор проснулся от шума дождя и грома. В окно бились упругие ветви дерева, дождевая вода потоками стекала по стеклу. Виктору с ужасом смотрел в окно, за которым мелькнула чья-то тень, затем он ясно увидел Сергея. Виктор испуганно вскочил, попятился к двери и наткнулся на Риту. Он оттолкнул девушку, бросился бежать... и проснулся.

В окно ярко светило солнце, мать гремела посудой на кухне, было слышно, как льется вода.

— Надо же, грохот кастрюль с громом перепутал! — обрадованно пробормотал Виктор, потом сладко потянулся, стараясь бодриться, вскочил с постели и вышел на кухню.

— Сынок, ты бы устроился на работу, тяжело мне одной-то, — проговорила мать.

— Опять та же песня! — проворчал Виктор. — Устроюсь, устроюсь! В понедельник пойду.

— Да уж какой понедельник идешь!

— Вкусно пахнет! — проговорил Виктор, подойдя к кухонному столу, на котором в тарелке возвышалась стопка блинов.

Он схватил один, но блин оказался горячим и Виктор, чуть надкусив его, уронил на стол.

— Умылся бы, сынок!

— Успею умоюсь, — разозлился Виктор. — Вечно ты со своим нытьем, поесть спокойно не дашь. Жалко тебе хлеба да картошки?

Мать виновато засуетилась.

— А что я сказала? Я ничего и не сказала. Кушай, сынок, ведь два дня голодом просидел! Да и не одна у нас картошка, вот супчику наварила, блинчики, пирожки к вечеру будут, — приговаривала она, торопливо выкладывая еду на тарелку.

— Кушай, сынок! — передразнил мать Виктор. — Я буду кушать, а ты нудить!

Он вернулся в свою комнату, оделся, прошел в коридор, сорвал с вешалки куртку и, демонстративно хлопнув дверью, вышел. Мать поставив полную тарелку на стол, села и горестно вздохнула.

— Надо с этими сопляками разобраться, — про себя бормотал Виктор, проходя по улице поселка. — О, вот и один из них!

Навстречу ему шел Никита. Заметив Виктора, подросток попытался незаметно скрыться. Виктор бросился вслед, догнал, прижал к забору.

— Что, продали меня, гниды? — зашипел Виктор.

— Нет, Витек, мы молчок. Меня вот родичи в техникум учиться отправляют.

— А Толян?

— Толян еще раньше в город уехал. К родственникам.

— Ну, ладно. Так, пожалуй, лучше.

Виктор поднес кулак к лицу Никиты.

— Смотрите у меня!

Через некоторое время Виктор как будто успокоился и даже попытался зажить по-старому, то есть гулять в свое удовольствие, доставая деньги где придется. Только жизнь его как будто разделилась на дневную, беззаботную и ночную,

полную кошмарных сновидений. Но ночь заканчивалась и с ней уходили ночные страхи, исчезала боязнь тюремного заключения, наступал день — время бесшабашного разула и веселья.

Глава 10

Рита резко переменилась, исчезла ее беззаботная улыбка, а мать стала замечать, что она время от времени замирала, словно прислушиваясь к себе. Галина даже подумывала, не повредила ли та в уме, но потом заметила хороший аппетит и приступы тошноты, периодически случающиеся у дочери. В поселковом фельдшерском пункте опасения подтвердились.

— Об аборте и думать не смей! — говорила Галина по пути домой. — Мне еще мать моя, твоя бабушка, говорила, что первую беременность прерывать нельзя, потому что потом можно и вовсе бесплодной оказаться.

Попадающиеся на пути знакомые, пряча злорадные ухмылки, здоровались с Галиной и Ритой. Галина с бодрой улыбкой отвечала на приветствия.

— Ты не молчи, здоровайся! — дергала она за руку Риту.

Но Рита всю дорогу молчала, шла, опустив голову и не отвечая на приветствия встречных.

— Подумать надо, как сообщить эту новость отцу твоему, будущему деду, — вздыхала мать.

— Потом скажешь.

— Все равно придется. Боюсь я, Рита. Отец-то все ружье свое проверял и чистил, а теперь вроде поутих, но еще хуже: запил!

Женщины опоздали с признанием. Ритин отец, который сначала грозился перестрелять насильников из своего охотничьего ружья, действительно запил не на шутку, а в один из холодных осенних вечеров вышел из дому и долго не возвращался. Жена, решив, что он, верно, у соседей, легла спать, а утром нашла его повесившимся в сарае.

Новое горе затмило старое. Рита оставила школу, все равно житья не было от всех этих любопытных взглядов и шепотков в след. Подруга рекомендовала ее в качестве официантки хозяину единственного в их поселке кафе — кряжистому, волосатому и уже немолодому человеку. Он сумел неплохо подняться, вероятно, прежде всего потому, что заведение его снабжалось недорогим спиртным из подпольного цеха и располагалось возле перекрестка дорог, а значит заглядывали в него проезжие и водители.

— Ну что же, один работник мне нужен, — оценивающим похотливым взглядом окинув складную фигуру Риты, сказал хозяин кафе. —

Официанткой пойдешь? Предыдущую я выгнал. Ворует и на мужчин слаба оказалась.

— Пойду.

— А как же школа?

— Что школа?! Все равно от сплетен житья нет.

— Сплетни? А что, правда?

Рита сверкнула на него взглядом зеленых глаз.

— Ну-ну, это я так. Какое мне дело? Но знай: работы много будет. Кафе мое на бойком месте. С забулдыгами будь поостроже, с водителями — поласковее, чтобы еще заезжали. Не смотри, что зима на носу, иногда столько народу — не протолкнуться. Справишься?

— Справлюсь, — кивнула девушка.

Немного времени спустя Рита уже как заправская официантка таскала тяжелые подносы со стаканами, кружками и закуской. Раз и навсегда решив, что переживать и стыдиться еще хуже, она стала вести себя развязно, на сальные шуточки отвечала остро, что называется, не в бровь, а в глаз. Что-что, а это она умела, иногда так задевала мужское достоинство, что у шутника надолго отпадало желание шутить. Довольно странно, а может быть, наоборот, закономерно, но у Ритульки, так ее теперь звали все до самого последнего пьяницы-посетителя, резко возросло число поклонников. Находилось немало желающих

полакомиться молоденьким телом, а «Ритулька» к тому же, вкусив яда восхищенных взглядов, вела себя как заправская шальная профурсетка: насмешливо морщила носик, посверкивала глазками, играла ласковой улыбкой, сыпала направо и налево дразнящие, обещающие слова. И хотя на самом деле, кроме кокетства, за ней греха не водилось, но, как говорится, добрая слава лежит, а худая бежит. Итогом ее «любовных заигрываний» стала в самое короткое время укрепившееся за нею звание девки безотказной.

Однако несмотря на растущее число обожателей, на появившиеся в скором времени от щедрых чаевых наряды, в любви Рите не везло. В поселке помнили, что она девка порченная. Один из ее прежних воздыхателей предпочел ей невесту побогаче. Другой так и сказал ей прямо, что, хотя любит ее еще со школы, но родители его брак не одобряют. Рите ничего не оставалось, как делать вид, что ей все нипочем.

Где-то недели через две после начала ее работы, под вечер, когда за столиками остались самые стойкие пьяницы, из подсобки выглянул хозяин кафе и поманил Риту рукой.

— Молодец, Ритуля! — одобрительно крикнул хозяин. — Как это у тебя получается: вроде неласково, даже грубо с клиентами разговариваешь, а от мужиков отбою нет. Втрое выручка с твоим

приходом поднялась. Едут и едут, и все только для того, чтобы на тебя посмотреть. Заглядываются на твою красоту и молодой, и старый, да и я мимо тебя пройти спокойно не могу.

Хозяин притянул Риту к своему толстому, упругому как барабан животу так, что девушка, изогнувшись, уперлась руками в его тушу.

— Я в официантки к тебе нанималась, а не в любовницы, — гневно, стараясь отодвинуться как можно дальше от его слюнявых толстых губ, проговорила она.

— А какая разница? Тебя все равно все до самого последнего пьяницы блудницей Ритушкой зовут. Сама виновата, ведешь себя развязно, грубишь, насмехаешься над людьми, вот и мстят тебе те, кому ты отказала. А отказываешь ты всем, я знаю. Вот я и подумал: может, я тебе нравлюсь?

Несмотря на гнев, Рита не смогла удержаться от смеха.

— Ты в зеркало на себя посмотри! «Нравлюсь»! Чему там нравится-то?

Хозяин, побагровев, замахнулся на нее рукой, затем заорал:

— Уволена!

— Уволена? — взвилась Рита и, показав ему кукиш, выкрикнула: — А вот это видел, старый развратник!

В это время в дверь подсобки просунулась

красная пьяная рожа одного из последних засидевшихся посетителей.

— Ритуля, свет очей наших! — стараясь говорить внятно, промычала рожа. — Минуту не видеть тебя для нас пытка! Ик! Налей нам еще пива, п-жалуста! Ик!

Взбешенный хозяин вытолкнул посетителя и Риту из подсобки и захлопнул дверь. Рита с улыбочкой прошла к стойке, наполнила прозрачные кружки пивом и понесла их к столику.

— Руки прочь! — грозно выкрикнула она поднявшимся ей навстречу посетителям. — А то я и без охранника вас всех по одному на улицу повыкидываю!

Однако красная рожа продолжила свои попытки обнять Риту и тут же получила-таки обещанного тумака.

— Убери руки, говорю тебе, дядя, если не хочешь мужское достоинство в сугробе отморозить! — еще раз гневно выкрикнула Рита под одобрительный смех остальных посетителей.

Когда наконец за последним посетителем захлопнулась дверь и Рита быстро и ловко начала протирала столы, хозяин опять выглянул из подсобки и поманил ее к себе.

Рита сдвинула брови и решительно направилась в подсобку. Хозяин, стоя к ней спиной, считал выручку. Рита остановилась в ожидании.

Хозяин кивнул головой на кучку денег поменьше, сердито буркнул:

— Это тебе! Молодец!

— То-то, дядя! — не сдержала улыбку Рита.

На крыльце ее встретил Тимур. Хотя Рита теперь его и близко к себе не подпускала, он по-прежнему бродил за нею словно тень.

— Рита! — Тимур решительно взял девушку за плечи. — Выходи за меня!

— Ты что, с ума сошел, не понял, кто я теперь?

— Ты... самая лучшая!

— Тимка!

— Молчи!

Парень прижал руку к ее губам.

— Ты сама себя не знаешь. Того, что с тобой случилось, не исправить, а я люблю тебя по-прежнему.

— Любишь? Ну да, пока любишь! А потом? Будешь ли ты любить меня потом, через пять, десять лет? Нет, не будешь! Вспоминать будешь, меня ненавидеть и стыдиться.

— Не буду! Клянусь тебе!

— Не клянись! Если бы любил, то убил бы подонка!

Рита сказала это сгоряча, но Тимур спросил:

— Кого?